

Комсомолу - 100 лет. Да здравствует юность!

Орган
Центрального
Комитета
ВЛКСМ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Специальный выпуск к 29 октября 2018 года

ДОКУМЕНТ

Всем организациям РЛКСМ, всем членам РЛКСМ О «Комсомольской правде»

Дорогие товарищи!
XIII съезд РКП(б) и VI съезд РЛКСМ постановили издавать всесоюзную комсомольскую газету. Такая газета начнет выходить в конце мая как ежедневный орган ЦК и МК РЛКСМ под названием «Комсомольская правда». ЦК обращает внимание всех организаций и всех членов союза на необходимость самой

горячей поддержки «Комсомольской правды», на необходимость организации корреспондентской сети, пропаганды и продвижения газеты и т. д. ...

Внимание и поддержка «Комсомольской правды»!
Секретарь ЦК РЛКСМ Мильчаков
(«Комсомольская правда», 24 мая 1925 г.)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Песня о Братске

Все, кто ее слышал, едва ли смогут забыть песню о Братске. И если даже слова вылетели из памяти, при первых, вступительных пахмутовских аккордах где-то в глубинах души вдруг отзываются и звучат уже сами по себе эти строки: «Я в таежном смолистом краю встретил лучшую песню свою...». Она действительно оказалась лучшей. Сегодня, отмечая 100-летие ВЛКСМ, есть смысл оглянуться и убедиться в этом. Вспомним, товарищ, чем жили, за что боролись, во что верили несколько поколений. Какими выглядели тогда в главной газете нашей юности - в «Комсомольской правде» - те люди, цели, поиски и деяния. И какими они предстают из своего далекого далека перед нами, сегодняшними.

Конечно, немного обидно, что новые песни придумала жизнь, и нынешним молодым людям ничего уже не скажут ни две девчонки, танцующие на палубе над Ангарой, ни город Братск, ни играющий на гитаре Марчук. Наверное, так и должно быть: каждое поколение проходит свой путь и преодолевает свои перевалы. Но почему-то кажется, что им, молодым, есть чему позавидовать.

«Я еще допою, допою комсомольскую песню свою...» Посмотрим правде в глаза: мы ее уже почти допели. Хорошо, что она звучит, не умирает в нас самих.

От редакции.

ДЕБЮТ В «КП»: АЛЕКСАНДРА ПАХМУТОВА

НА ВЗЛЕТ

Наш корреспондент попросил лауреата премии Ленинского комсомола Александру Николаевну Пахмутову ответить на несколько вопросов.

- Расскажите, пожалуйста, о ваших новых работах.
- Недавно мы с поэтами Сергеем Гребенниковым и Николаем Добронравовым написали песню к цирковому представлению «Романтика». Кроме того, только что закончен цикл песен о летчиках, в него входит четыре песни - «Обнимаю небо», «Нежность», «Мы учим летать самолеты», «На взлет».
- Стоят ли за этими песнями наши сегодняшние живые герои?
- Да, совершенно конкретные люди. В данном случае наши летчики и кос-

монавты. Вообще, как правило, мои песни рождаются в результате встречи с интересными мужественными людьми. Рада, что на таких людей мне везет.

- Какая из последних поездок вам наиболее запомнилась?
- Прошлогодняя поездка на Северный флот. Мы встречались с пограничниками, летчиками, моряками. Несколько песен об этом уже написано, но я чувствую себя еще в долгу перед Севером.
- Несколько слов о ваших планах.
- Буду продолжать работу над песнями и мечтаю о крупном сочинении для оркестра.

(«Комсомольская правда», 12 апреля 1965 г.)

Музыка А. Пахмутовой.
Слова С. Гребенникова и Н. Добронравова.

Раздается команда на взлет,
Как пароль заоблачных высот,
И в небо наши уходят дороги
От земных незаметных ворот...

Припев: Небо голубое,
Ставшее для летчика судьбой,
Небо доброе и злое,
Голубое,
Грозное,
Стало ты моей судьбой,
Я и бог твой, и подданный твой!

ХРОНИКИ - 1927 ГОД

Маяковский, сотрудник «Комсомольской правды»: во весь голос

МУСКУЛ СВОЙ, ДЫХАНИЕ И ТЕЛО ТРЕНИРУЙ С ПОЛЬЗОЮ ДЛЯ ВОЕННОГО ДЕЛА
Нечего мускулы зря нагонять, не нам растить «мужчин в соку». Учись вскочить на лету на коня, сплеча учись рубить на скаку. Комсомолки. Сорок по Цельсию. Стреляют глазами усастьх проныр. Комсомолка, лучше из нагана целься. И думай: перед тобой лорды и паны. Жир нарастает тяжел и широк на пышном лоне канцелярского брюшка. Служащий, довольно. Временный жирок скидывай в стрелковых кружках. Развивай дыханье, мускулы, тело не для того, чтоб зря наращивать бицепс, а чтоб крепить оборону и военное дело, чтоб лучше с белым биться.

(«Комсомольская правда», 1927 г.)

МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ

Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, поддельваясь под гнусавый французский акцент, должны называть его «Боб»...

«Комс. правда».

В Ленинграде девушка-работница отравилась, потому что у нее не было лакированных туфель, точно таких же, какие носила ее подруга Таня...
«Комс. правда».

Из тучки месяц вылез, молоденький такой... Маруська отравилась, везут в прием-покой. Понравился Маруське один с недавних пор: нафабранные усики, расчесанный пробор. Он был монтером Ваней, но... в духе парижан, себе присвоил звание: «электротехник Жан». Он с ней расстался ровно через пятнадцать дней за то, что лакированных нет туфелек у ней. На туфли денег надо, а денег нет и так... Себе Маруся яду купила на пятак. В сердце без лесенки лезут эти песенки. Где родина этих бездарных романсов? Там, где белые лаются моською? Нет! Эту песню родила масса - наша комсомольская. Легко врага продиравить наганом. Или - голову с плеч, и саблю вытри. А как сейчас нащупать врага нам? Таится. Хитрый! Помни ежедневно, что ты зодчий и новых отношений, и новых любовей, - и станет ерундовым любовный эпизодчик какой-нибудь Любы к любому Вове.

(«Комсомольская правда», 1927 г.)

1. Комсомолу 70 лет. В каком году из этих 70 Вы хотели бы в него вступить?

2. Представьте: завтра Вас выдвигают на комсомольскую работу. Воспользуетесь ли Вы правом на самоотвод?

3. Как должен измениться комсомол, чтобы его следующий юбилей стал праздником лично для Вас?

Владимир ЗЮКИН, заведующий отделом комсомольских органов, член бюро ЦК ВЛКСМ

1. Мне хотелось бы вступить в организацию, которая дает возможность реально участвовать в управлении обществом, чувствовать свою сопричастность к формированию политики, к определению судьбы своих детей и близких. Период, который мы сегодня переживаем, дает комсомолу шанс впервые за несколько десятилетий стать по-настоящему нужной молодежи политической организацией, способной не только порешать какие-то социально-экономические вопросы, но и дать почувствовать себя молодым хозяином страны.

2. Ход, темпы, размах перестройки в комсомоле не удовлетворяют, бывают минуты, когда думаешь: бросил бы все, организовал какое-то конкретное дело, выложился бы весь!

3. Был бы рад встретить следующие юбилеи в составе сильной, влиятельной политической молодежной организации, к которой прислушиваются в обществе, в партии, компетентное мнение которой ложится в основу принимаемых государством решений. В которой партия видит младшего, но равного товарища. Мой идеал комсомола - это организация, которая в каждом своем члене видит прежде всего человека с его слабостями, болезнями, взглядами, его интересами. Которая и сориентирована на эти интересы.

Николай КАРАЧЕНЦОВ, артист Московского театра им. Ленинского комсомола

1. В 1918-м! Мне бы хотелось, чтобы комсомол сегодня по своему духу стал бы снова таким, каким был тогда, на заре. Это должен быть отряд бойцов. Организация не закостенелых, не бюрократившихся, а талантливых, дерзких и смелых молодых людей!

2. Воспользуюсь. Ну, во-первых, потому, что, кроме своей профессии артиста, никем другим быть не хочу. А, во-вторых, комсомольская работа - это тоже определенный дар, талант! Надо любить творчество в комсомоле, а не блага, которые он может дать. Если артист задумывается, что в конце спектакля получит цветы, он перестает быть артистом.

3. Каким должен стать комсомол? Частично об этом я уже сказал. Будет праздник, если доживу до того момента, когда мой внук скажет: дед, у меня сегодня счастливый день - я принят в комсомол!

АНКЕТА - 1988 ГОД

ОТ КАКОГО КОМСОМОЛА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ, писательница, лауреат премии Ленинского комсомола

1. В 1918-м.

2. Да, в комсомоле дала бы самоотвод. А вот в союзе самостоятельных объединений молодежи работала бы.

3. Для этого надо быть очень молодым и наивным человеком и очень во что-то верить. В то, что, казалось, мы так прекрасно начинали в 1917 году.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ, поэт, главный редактор журнала «Юность»

1. В 1918-м или в 1985-м.

2. Воспользуюсь обязательно. Каждый, кому больше двадцати восьми, должен брать самоотвод. Не должно быть на комсомольской работе людей некомсомольского возраста.

3. Для этого комсомол не должен быть возрастной обязанностью, а должен стать духовной необходимостью молодежи. В комсомоле должен активно приветствоваться плюрализм мнений, нужна альтернативность молодежных объединений и отсутствие монополизма в организационной работе.

1968 год, пленум ЦК ВЛКСМ.

Евгений ТЯЖЕЛЬНИКОВ, первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1968 - 1977 гг.:

- Что мы делали не так? Это трудный и долгий разговор. Давайте я скажу, что мы делали так. Вы сами подумайте, почему в последние годы Россия все активнее возвращается к традициям комсомола. Возрождаются студенческие отряды, нормативы ГТО, нарботки ВЛКСМ используются во Всероссийском детско-юношеском движении «Юнармия»... Но этого недостаточно. Вполне может быть использован опыт наставничества, который был в ВЛКСМ. Мы уже 15 лет безуспешно обращаемся во властные органы с предложением создать Всероссийскую пионерскую организацию имени Юрия Гагарина, ведь Пионер - значит, первый! Но нас не слышат. В стране сейчас около 200 молодежных организаций, но они объединяют менее 10% молодежи. Они могут объединиться в единую молодежную организацию. Эти вопросы надо решать - в том числе и под флагом 100-летия комсомола.

ЗАКРЫТИЕ АМЕРИКИ

СМЕРТЬ КАПИТАЛИСТА

В американском «национальном эпосе» нет более популярной истории успеха, как нет выше звания, чем «миллионер». Вступление в миллионерский клуб все равно что посвящение в рыцари в Средние века.

Быть может, к сказанному нужно только сделать небольшую поправку: традиционное «миллионер» сегодня следовало бы заменить на «мультимиллионера» - рост инфляции принизил авторитет даже высшего капиталистического сана. Просто миллионером нынче в Америке мало кого удивишь. Уже несколько лет назад здесь насчитывали 200 тысяч «миллионщиков». Соль земли, однако, те, к кому применимы цифры в сотни миллионов, - это уже подлинны «герои», достойные поклонения, таких можно по пальцам пересчитать. Чтобы понять, однако, чем был для Америки недавно умерший Говард Хьюз, берите выше еще на целый порядок! Говард Хьюз входил в тройку самых богатых людей на земле. Полубог, живое воплощение «американской мечты». Впрочем, теперь уже мертвое.

Из Акапулько, последнего пристанища миллиардера, раздался звонок - заказ на спецсамолет. Врач и молчаливые слуги-мормоны внесли на носилках человека, находящегося без сознания. Имя его пилотом было неизвестно. Самолет взял курс на Хьюстон. По радио на борт запросили «Скорою помощью». Однако, когда самолет приземлился, человек уже был мертв. Когда Говарда Хьюза клали в гроб, он весил 40 килограммов. Богатейший человек на земле умер от недоедания, напишет журнал «Тайм».

Впрочем, Хьюз давно уже стал человеком-призраком. Последняя его фотография относится к 1952 году. С 1958 года он и вовсе исчез с глаз долой. Чтобы доказать, что он все еще жив, он должен был умереть, скажет один из его приближенных...

Голодная смерть мультимиллионера. Какую истину содержит она?

(«Комсомольская правда», 16 мая 1976 г.)

АНКЕТА - 2018 ГОД

ПОМОГ ЛИ КОМСОМОЛ ПРЕУСПЕТЬ В БИЗНЕСЕ?

Константин Баканов, гендиректор ООО «Европрофиль», Москва:

Умение подбирать партнеров, работать с ними - главное умение в бизнесе. И здесь мне очень пригодился опыт, накопленный за годы работы в комсомоле. Мы знали, как взаимодействовать с государственными и муниципальными органами, с конкретными предприятиями, умели это делать. И сегодня без этого нигде не продвинулись. И еще меня в юности научили ответственности за порученное конкретное дело. Хорошая школа!

Говард Хьюз.

Александр Пумпянский.

Р. С. - Это давняя история. Абрамовича, Березовского или Дерипаски и в помине не было. И никакие волхвы не предрекали порочного зачатия нового русского капитализма. Рыночная экономика была табу, ее олицетворяли исключительно фарцовщики, цеховики и спекулянты (отнюдь не биржевые). На борьбу с этими карикатурными персонажами была брошена вся мощь супердержавы. Мой олигарх был заокеанский, с самым громким именем, которое только можно было представить: Говард Хьюз. Поразительно, как многого достиг он в самых разных областях. Каждый раз это были заповедные, немислимые высоты. Его страсть - самолеты. Он их изобретает. Он их испытывает. Трижды бьет сам. В 1934 году устанавливает абсолютный рекорд скорости, в 1936-м - рекорды трансконтинентального перелета и кругосветки.

Параллельно покоряет Голливуд. В 21 год с убежденностью, что кинопроцесс - это в первую очередь индустрия, он становится продюсером и владельцем киностудий. Среди трофеев «Оскар» и такие покоренные вершины, как юная Кэтрин Хепберн, Ава Гарднер... Роль всеамериканского Казановы была частью имиджа, который он сознательно пестовал.

Во время Второй мировой «Хьюз эйркрафт», главный поставщик авиационных деталей и вооружений для ВВС США, стал супергигантом. Эстафету продолжили корейская, вьетнамская и, конечно, холодная война с ее умопомрачительной гонкой вооружений. Тут формулу титанического успеха Хьюза вывели проще. Не закончивший даже колледжа, он обладал умом изобретателя и прозорливо пожелал вооружение с электроникой. Сверхскоростные самолеты, ракеты, радары, инфракрасные лучи, космическая связь...

А потом он вдруг скрылся из виду. Исчез - на двадцать лет - до самой смерти. Рациональное

объяснение заключалось в том, что так было легче избежать судов, которые его преследовали. Иррациональное - он безумно страшился микробов. И еще, что кто-то возмечет над ним влиянию.

Безумная, гротескная, драматическая судьба. Воплощенная химия и алхимия американского образа жизни. Многогранная притча об американской мечте. Это я и попытался выразить в своей статье.

На мою беду, кроме миллионов читателей «Комсомольской правды», для которых она и была написана, ее прочел еще один, о котором я не подумал: секретарь ЦК КПСС по пропаганде Зимянин. После чего статью эту он читал вслух с выражением при солидном стечении народа - на идеологическом совещании. Каждый пассаж он завершал ударным восклицанием: «Да как же так может писать советский журналист!»

Парадокс заключался в том, что я вовсе не был антисоветским журналистом. Мои мировоззрение той поры я бы назвал новым марксизмом. Вот и в этой статье я пытался прояснить: исчезает ли капитализм, когда исчезает капитализм? На Западе тогда заговорили о «народном капитализме», о «революции управляющих», Маркс с Энгельсом, будь они живы, точно не обошли бы этот вопрос стороной. Но попробуйте доказать это ведущему идеологу КПСС...

Я был молодым сборком «Комсомольской правды» в Нью-Йорке - года не проработал. После совещания мне всерьез приклеили страшный грех - «буржуазный объективизм»... В общем, в Нью-Йорк я не вернулся. К журналистике вернулся не сразу. По-настоящему - только десять лет спустя, вместе с гласностью. Впрочем, джекпот тогда выиграл весь наш цех. Ибо с гласности и началась в нашей стране настоящая журналистика и свободная пресса. Как они развивались и как развиваются сейчас, это уже другая история.

Александр ПУМПЯНСКИЙ.

АНКЕТА - 1960 ГОД КАК ИЗМЕНИЛСЯ УРОВЕНЬ ВАШЕЙ ЖИЗНИ?

На вопросы ИОМ «Комсомольской правды» отвечают 1399 человек.

1. Как изменился уровень вашей жизни за последние годы?
- Повысился.
- Остался без изменений.
- Понижился.
2. В чем это выразилось? С чем вы это связываете прежде всего?
3. Какую проблему вы считаете первоочередной (подчеркнуть)?
4. Что бы вы могли предложить для быстрого решения выдвинутой вами проблемы?

(«Комсомольская правда», 7 октября 1960 г.)

Ответы: 1960 год

1. Повысился.
 2. В результате снижения цен на продукты питания и товары широкого потребления. Кроме того, в нашей семье зарплата за последние пять лет повысилась примерно на тысячу рублей.
 3. Жилищное строительство и расширение сети детских учреждений.
 4. Вопрос о жилье наиболее важный. К сожалению, распределение жилплощади производится иногда неправильно, бывает такое, что остро нуждающиеся получают ее после менее нуждающихся.
- Грачев, конструктор, 27 лет (Москва).

1. Повысился.
 2. Окончил техникум, работаю по специальности, работа нравится. Заработка хватает. Живу в общежитии.
 3. Жилищное строительство, производство продуктов питания.
 4. Для решения проблемы жилищного строительства следовало бы привлекать к работе на стройке самих нуждающихся. Я бы с удовольствием поработал... У меня есть девушка, которую я люблю, но вот получить комнату проблема. Очень правильно Никита Сергеевич Хрущев предлагал строить дома для молодежи.
- А. Новиков, мастер, 21 год (Рыбинск).

1. С 1953 года уровень жизни колхозников повысился.
 2. Я простой колхозник, выписываю сейчас одну газету и журналов на 400 рублей, имею телевизор, живу в хорошей квартире. Думаю, что дальше жить будет еще лучше.
- В. А. Мельников, колхозник, 46 лет (Омская область).

1. Остался без изменений.
2. Качество продуктов и товаров в провинции хуже, чем в больших городах. Это бьет по зарплате.
3. Производство продуктов питания, улучшение бытового обслуживания.

4. Ликвидировать очереди в магазинах. Больше магазинов без продавцов, лучше планировать сезонную торговлю.
- П. А. Тумбин, инженер, 60 лет (Краснокамск, Пермская область).

1. Понижился.
 2. Наша семья состояла из четырех душ. Жили все в одной комнате. Мы с братом женились, у нас родились дети, а комната та же.
 3. Жилищное строительство.
 4. Стройку жилых зданий объявить народной. Лично я с удовольствием поработаю 30 дней в году и больше.
- Каладзе, студент, 24 года (Тбилиси).

Ответы: 2018 год

1. Остался без изменения.
 2. Уровень доходов остался прежним, потребности остались такими же, цены на потребительские товары остались в пределах досягаемости...
 3. Увеличение производства отечественных, экологически чистых продуктов.
 4. Нужно усилить контроль государства за качеством продуктов.
- Ольга Короткова, руководитель малого предприятия (Выборг, Ленинградская область).

1. Понижился.
 2. Я ушла в декретный отпуск, много новых статей расходов...
 3. Жилищное строительство.
 4. Главное - решить жилищную проблему для молодых семей, обеспечить их квартирами на льготных условиях, тогда и рождаемость в стране увеличится.
- Екатерина Ершова, экономист (Ульяновск).

1. Понижился.
 2. Вышла на пенсию. Спасибо сын помогает...
 3. Улучшение бытового обслуживания, снижение цен на него.
 4. Надо учить кадры по-настоящему, в профтехучилищах, а не отдавать все на откуп безграмотному частнику.
- Людмила Васильева, пенсионерка (Москва).

1. Повысился.
 2. Пригласили на работу с зарплатой немного выше, чем прежде. Периодически беру подработку (отвечаю на вопросы кадровых служб по нюансам трудового законодательства в системе ИС Кадры, пишу на заказ работы для студентов).
 3. Рост заработной платы.
 4. Оставить все как есть. На рынке труда, как и в теории эволюции Дарвина, выживает сильнейший.
- Анастасия Деметьева, журналист (Воронеж).

«Даже если пепелище выглядит вполне, не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне...»
Поэт Геннадий Шпаликов как в воду смотрел. Но мы все-таки попробуем пройти по этажам, постоять молча в тех стенах, где когда-то кипела жизнь. Наша жизнь. Это здания редакции «Комсомольской правды» и ЦК ВЛКСМ.

Пепел и алмаз

Телефон звонит. Черт, это Фронин. Сон уходит быстро и бесследно, как вор. Я стараюсь звучать бодро и деловито: да, Владислав Александрович!

Привет, говорит он, - слушай, я тут сейчас подумал...
На этот раз «он подумал» о том, чтобы вместе сходить на пепелище «Комсомолки». Я договорюсь, - говорит он, - чтобы нам открыли двери, мы поднимемся на наш шестой этаж, посмотрим, что там сейчас. Ты возьмишь камеру, сделаешь съемку. Ну как?
- Супер, - говорю я. - Когда идем?

Кладу айфон на подлокотник дивана и еще несколько мгновений хлопаю глазами в полной темноте: ну что ж, на шестой этаж, так на шестой этаж. Давненько мы там не были.

Через неделю мы подошли к дверям нашей «Комсомолки». Нас ждали двое или трое «прорабов» в костюмах мосшвейпрома и оранжевых касках. «Прорабы» открыли опечатанные двери, мы вошли внутрь. Да, вот он, наш подъезд, здесь стоял постовой милиционер. Каждого он знал в лицо, здоровался, но корочки мы все равно предъявляли.

«Прорабы» произвели инструктаж: в целях нашей безопасности никаких самостоятельных шагов, все может рухнуть в любой момент (им бы работать в агитпропе ЦК КПСС!). Потом мы расписались в какой-то толстенной книге, после чего вся ответственность за наши самостоятельные шаги ложилась на нас. Выдали такие же оранжевые каски. Убедившись, что мы напялили их, «прорабы» открыли двери на лестничный пролет.

Лифт, конечно же, не работал. Мы подошли к лестничным перилам. Откуда-то сверху ручьем стекала вода, пополняя подвальное озеро. Горький запах гари, мелкие хлопья пепла. Все это напоминало «Сталкер» у Тарковского. Они там тоже шли в запретной зоне в таинственную комнату, где сбывались самые сокровенные желания. Мы, правда, шли не в комнату, а на

этаж, где наши сокровенные желания в ту пору чаще всего сбывались. Интересно, как теперь. Телефон звонит.

- Алло.
- Привет, это Фронин. Слушай, я тут подумал... А что если нам пригласить, предложим, министров на телефонный разговор с читателем?
- Как ты себе это представляешь? Куда приглашать?

- Ну как куда? В редакцию!
- Никто не пойдет!
- Почему? А мне кажется, пойдут. Ты чего там делаешь?

- У меня недельное планирование. Народ собрался.
- Ну ничего, подождут. Зайди ко мне быстро.

Бегу к Фронину. Из кабинета ответственного секретаря «Комсомолки» до кабинета заместителя главного шагов сорок.

Захожу. Он весь светится. Ты представляешь, мы зовем министра, заранее объявляем телефоны связи. Соединяем людей с министром. Разговоры записываем, а потом публикуем в газете. А?
- Черт, а ведь действительно здорово! Надо рубрику придумать.

- Вот и подумайте там. У тебя же народ собирается на недельное планирование.

Название рубрики «Прямая линия» придумал Павел Михалев - редактор международного отдела. Так она и пошла в жизнь советской и российской журналистики.

Иногда я спрашиваю себя: почему не ты это придумал? Ведь все же так просто, все на поверхности лежит. Ну да, но моего креатива, честно говоря, хватило бы на то, чтобы убедить министра полчаса поотвечать на вопросы чи-

РЕПОРТАЖ ДВУМЯ ПЕРЬЯМИ

ЗДЕСЬ БЫЛ

Корреспонденты «Комсомолки» отправились по двум

этажам из своей приемной. Почему это смог придумать Фронин? Потому что у него в крови есть то, чего нет ни у кого: он все замыкает на газету. Все, что видит, все, что слышит, все, что приходит в голову. Полагаю, даже все, что снится.

Было время, я пытался этому у него научиться. Ну, говорил я себе, это же просто: понаписал прочитанный абзац - немедленно подумай, что из абзаца можно сделать для газеты; вышел из кино - спроси себя: а при чем тут завтраш-

ний номер; анекдот тебе рассказали - прикинь, нельзя ли извлечь из этого что-то в полосу. Иногда получалось. Но чаще всего уже спустя день я напрочь забывал, что стою на строгом газетном посту.

В американских учебниках по журналистике это называется непрофессиональным поведением. Мало того что у Фронина поведение профессионала, у него это в составе крови, а изменить в себе состав крови никак нельзя. Стало быть, и научиться такому поведению невозможно.

Ну вот и шестой этаж. «Прорабы» еще раз предупреждают: ни шагу влево или вправо - полы могут провалиться. Твердо обещаем. Они открывают перед нами последние двери, и мы заходим на наш этаж.

Минуту стоим и просто смотрим на то, что перед нами. Ничего знакомого, сгорело все. Голые балки перекрытий и пепел, пепел, пепел. У алмаза и графита (в данном случае у пепла) очень похожие атомарные структуры. Только один почему-то тверже стали, а другой мягче пуха. Лет шестьдесят назад ученые экспериментально попытались превратить графит в алмаз, и им это удалось. Они слегка деформировали кристаллическую решетку графита и превратили ее в атомарную решетку алмаза. Правда, для этого потребовалось давление в тысячи атмосфер и температура в десятки тысяч градусов...

Фронин пережил все: и колоссальную температуру борьбы, и непривычно высокое давление. Думаю, это изменило структуру его кристалла. Потому что он не только выжил, не только сохранил свой дар, но снова стал главным редактором одной из лучших газет.

Вдруг на том конце коридора (когда-то это был знаменитый коридор «Комсомолки») в полной тишине со скрипом открылась дверь. Мы замерли.

- Сквозняк, - объяснил нам странное поведение двери один из «прорабов».

- Это Дух шестого этажа, - то ли шутя, то ли серьезно заметил Фронин.

Вот он, легендарный 6-й этаж. И Владислав Фронин.

Юрий ЛЕПСКИЙ.

ХРОНИКИ

НОВАЯ ПОСТАНОВКА МАЛОГО ТЕАТРА

Спектакль «Растеряева улица» вводит нас от наших кипящих и энергичных дней социалистической стройки в далекое прошлое, когда «цивилизованный», «культурный» русский промышленный капитализм начал приходить на смену Колупаевым и Разуваевым и начал внедрять свои «культурные» методы эксплуатации трудящихся взамен примитивного дикого откровенного грабежа.

(«Комсомольская правда», 1 декабря 1929 г.)

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ АУЛОВ

Десять самых крупных аулов Буинского района Дагестана под руководством партийных и комсомольских организаций объединились в сплошной колхоз. Коллективизировано свыше 6000 хозяйств. Комсомольцев в этом гиганте 450 человек, то есть 70% общего числа деревенских комсомольцев Буинского района.

(«Комсомольская правда», 6 декабря 1929 г.)

ИЗБИТА УДАРНИЦА ТРУДА

28 ноября 1929 г. в шесть вечера на шоссе к станции Домодедово была жестоко избита работница Константиновской фабрики товарищ Маркуш. Есть все основания предполагать, что избивание товарища Маркуш произошло на почве перехода ее на уплотненную работу, ее активного участия в социалистическом соревновании.

(«Комсомольская правда», 14 декабря 1929 г.)

К ЮБИЛЕЮ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

В день пятидесятилетия вождя партия и комсомол заявляют, что будут непримиримо и стойко бороться за эту ленинскую линию и за ее практическое осуществление, еще мощнее пойдут в наступление на кулака, нэпмана, бюрократ.

(«Комсомольская правда», 21 декабря 1929 г.)

ЗА НОВЫЕ КАДРЫ

Перестройка московского автомобильного завода АМО в завод-вуз является событием огромной политической важности. Придется преодолеть немало трудностей на пути искания и создания новых социалистических форм подготовки кадров. «Комсомольская правда» принимает на себя обязательства наблюдения за ходом работы по организации вузов на заводе АМО.

(«Комсомольская правда», 29 декабря 1929 г.)

ПОМНИ, ТРАКТОРИСТ: ТЫ - ДИРЕКТОР ТРАКТОРА!

Саботажник Колядин, выброшенный из комсомола, получив в Горловской МТС трактор, не замедлил расправить колесную шестерню и червячный вал. За что он получает полностью свою зарплату? Комсомольская ячейка в ответе за здоровье машины! Трактор зовут на помощь!

(«Комсомольская правда», 4 апреля 1933 г.)

ПРЕМИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Какова жизнь лауреата спустя сорок лет после премии?

Премия Ленинского комсомола «За выдающиеся достижения в социалистическом соревновании, большой вклад в освоение и внедрение новой техники» была присуждена токарю Челябинского тракторного завода Андрею Чепелеву в 1976 году. Это была первая награда в его трудовой биографии. В ноябре у него юбилей - 70 лет. На наш вопрос отвечает Андрей Михайлович ЧЕПЕЛЕВ:

- На торжественное вручение премии в Москву поехали от области трое рабочих - шахтер, металлург и я - машиностроитель, токарь-карусельщик. Я осваивал тогда новую технику - станки с числовым программным управлением, модернизировал карусельный станок американского производства фирмы «Форд». Это огромный механизм, высотой с двухэтажный дом, отдельные детали которого весят от 100 до 120 кг. Не буду вдаваться в тонкости моих технических предложений, скажу только о результатах. У производителя была предусмотрена работа в три смены, а после модернизации их стало две. Вместо восьми человек на станке стали работать двое - токарь и наладчик.

Наша продукция отправлялась в 87 стран, рабочие чувствовали себя значимыми людьми. И по важным поводам мы дарили стране не смайлики и флешмобы, как сегодня: в 1974 году комсомольцы Челябинского тракторного отправили в подарок строителям БАМа 17 сверхплановых тракторов.

В 90-е на ЧТЗ стало тяжело, мы растеряли кадры, а сложнее всего было справиться с упадком духа.

Сейчас завод потихоньку поднимается. В 1996-м я ушел преподавать на факультет машиностроения Южноуральского государственного университета. Я ушел, а модернизированный мной станок до сих пор исправно работает. Но уже на капиталиста...

Не изменилось ли ваше отношение к своему герою?

В 1974 году премией Ленинского комсомола награжден телевизионный многосерийный фильм «Как закалялась сталь» (1973) производства Киностудии имени Довженко и актер Владимир Конкин - исполнитель главной роли. На наш вопрос отвечает заслуженный артист УССР, заслуженный артист РФ Владимир Алексеевич КОНКИН:

- Помню, сразу после выхода фильма со мной беседовала Инна Павловна Руденко, журналист «Комсомольской правды». Для меня очень дорога ее оценка образа: «Ваш Павлик не только тверд, но и мягок, не только бескомпромиссен, но и ранним, не только мужественен, но и чист». Счастье, что в самом начале актерской судь-

От Павки Корчагина до академика Месяца

Слово лауреатам разных лет

бы мне досталась роль такого масштаба. Сегодня на встречах со зрителями, случается, задают вопрос: а нужен ли сегодня Корчагин? Мой ответ категоричен: «Да, нужен!» Сила духа, напряженности сил, любовь к Отчеству - эти понятия не теряют ценности в любую эпоху.

Что значила для вас эта награда?

В 1968 году группа молодых ученых Томского политехнического института была награждена премией Ленинского комсомола за разработку методов генерирования мощных наносекундных импульсов. На наш вопрос отвечает руководитель этой работы, член президиума РАН, академик Геннадий Андреевич МЕШАЦ:

- Эти исследования были частью докторской диссертации, которую я защитил в 1966-м в 30 лет, они стали началом нового научного направления, получившего название «Импульсная энергетика и электроника». Позже мои молодые ученики получили еще две премии Ленинского комсомола. Работы были удостоены нескольких Государственных премий СССР и РФ, а также международных, включая премию «Глобальная энергия». Для развития наших исследований в Томске был создан Институт сильноточной электро-

ники Сибирского отделения АН СССР. В 1986 году меня перевели на Урал председателем Уральского отделения АН СССР и вице-президентом АН СССР. В Свердловске тоже был создан академический Институт электрофизики, продолживший исследования. Работы этих двух институтов хорошо известны в нашей стране и за рубежом.

Хочу подчеркнуть, премия Ленинского комсомола обладала серьезным авторитетом и весом, а совет молодых ученых ЦК ВЛКСМ был важным инструментом взаимодействия с научной молодежью. Десять лауреатов премии стали профессорами, академиками и до сих пор находятся среди ведущих ученых нашей страны. В разные годы совет возглавляли будущие академики: Ю. И. Журавлев, А. П. Деревянко, Е. П. Велихов, С. И. Колесников. К сожалению, мне досталась роль и последнего председателя. Считаю, это большая потеря...

Что изменилось в вашей судьбе после награждения премией?

В 1980 году премия Ленинского комсомола в области литературы была присуждена иркутскому писателю Валерию ХАЙРЮЗОВУ за книги «Непредвиденная посадка» и «Опекун». На наш вопрос отвечает лауреат: - В небе Восточной Сибири и Якутии я налетал 15 тысяч часов, прошел путь до командира корабля, пилота 1-го

класса. Профессия позволила лучше узнать жизнь, познакомила с сильными характерами, приобщила к огромным просторам. Моя вторая страсть - к литературе - заставила поступить на заочное отделение журналистики Иркутского университета. Я стал писать прозу. В 1979-м принял участие в VII Всесоюзном совещании молодых писателей в семинаре Василия Быкова. Его отзыв дал мне огромный заряд, а премия Ленинского комсомола, присужденная моим книгам, стала огромным стимулом в писательской работе.

Оглядываясь на молодость, понимаю, как повезло моему поколению, когда в цене были судьбы обычных людей и их понимание справедливости. Когда литература не считала зазорным писать именно о таких людях, а рассказ о простых и как бы незатейливых историях рядовой, как тогда говорили, жизни отмечался высшими наградами...

Помните, как родилась та инициатива, за которую вы получили награду?

В 1970 году премия Ленинского комсомола за создание и пропаганду отряда научно-технического творчества молодежи присуждена вместе с группой молодых рабочих, инженеров, комсомольских активистов автотреста им. Лихачева журналисту «Комсомольской правды» Виктору ДЮНИНУ. Слово лауреату:

- Главным редактор «Комсомолки» тех, конца шестидесятых, лет, Борис Панкин сказал на торжестве вручения: это награда всему отряду рабочей молодежи. Да, тогда наш отряд вовсе поддерживал молодежные инициативы: «Комсомольский прожектор», конкурсы на лучших по профессии, отряды НТТМ... Первый такой отряд мы создали на автотресте имени Лихачева. ЗИЛ был для меня родным: жил рядом с заводом, там работали жена, друзья детства, одноклассники. И первую заметку перед поступлением на журфак МГУ о ЗИЛе написал, и производственную практику в зилдовской многотиражке проходил. И с Аркадием Волыским там хорошо познакомился, когда он еще начальником литейного цеха серого чугуна работал. А сейчас завода нет... Да, иногда хочется взглянуть. Но людям с золотым комсомольским знаком на лацкане это не к лицу.

Вопросы задавала Людмила КРИВОМАЗОВА.

НАШ ДОМ

знаковым адресам: Маросейка, 3/13, и улица «Правды», 24

Даже если пепелище выглядит вполне...

А здесь ничего не горело. Ни пепла, ни гари, кое-где даже дорожки под ногами остались те же самые - красно-зеленые, по прежней казенной моде. Но ничего из того, что в этих стенах было когда-то, уже нет. Ничего! Тихо, пусто, безжизненно. Хотя, если судить по разномасштабным табличкам на дверях кабинетов, все тут должно было наполниться ровным, деловитым гудением: юристы, нотариусы, турагентство «Гео-тур», некая «Оценочная компания», опять туроператор «Бон Вояж», приближенные бойцов-ветеранов «Верность присяге», отделение банка и даже «Представительство Губернатора и Правительства Камчатского края при Правительстве РФ» (именно так, все слова с большой буквы)... Кабинеты, где некогда десятилетиями напролет каждый день до глубокой ночи кипела аппаратная жизнь, порезаны на клетушки - у матушки Аренды свои правила, тут каждый квадратный метр теперь денег стоит. И, видимо, деньги действительно любят тишину...

В коридоре у редких прохожих-менеджеров с гарнитурой в ухе даже походка другая - снисходительно-вялая, не по летам шаркающая. Будто всем видом желают они сказать окружающему миру: господа, да как же надоела эта маата-тяготина, скорей бы уже все закончилось... Нет, не так ходили в этих стенах: упруго, наперегонки с одного совещания на другое, торопясь «поставить вопрос» и «по-решать проблему». Летали! И не было тогда в глазах этой нынешней постоянной задумчивости ни о чем. Как сказал бы сегодня гроссмейстер Бендер, скучно, девушки!

А вот, кстати, и девушки, точнее, ее голос, который я впервые услышал 35 лет назад в этих же коридорах. И, как вдруг выяснилось, запомнил его навсегда. Точно, она: Лариса Кольчева! В 80-х работала первым заместителем заведующего отделом комсомольских органов и

теперь, собственно, продолжает в том же духе: несет вахту в оргкомитете «100 лет ВЛКСМ». В коридорчике у двух кабинетов, где расположился юбилейный штаб, полно мужчин не первой молодости, большей частью седых, остальные просто лысье. И почти все с букетами. Пришли к Ларисе Федоровне как на свидание. Да так оно и есть: на свидание с юностью. Стоят в очереди за пригласительными билетами на юбилейную встречу в Кремлевском дворце.

«Ребята, не толпитесь, все успеют. Сейчас идет Эстония, потом северо-запад, а там и вы!» И «ребята» послушно расступаются, пропускают посланца братской Эстонии. Черт, а я без цветов! Бегу в вестибюль метро за букетом, вот теперь в самый раз...

Помнится, Кольчева так напутствовала кадры, проходившие утверждение в ЦК: «Знаете, что должно отличать комсомольского работника? Постоянное чувство легкой влюбленности. Чтобы глаза светились!» Не знаю, как с влюбленностью, а глаза у нее и сейчас вполне себе с огоньком, не подернуты повседневностью.

Поднимаемся на четвертый этаж, где были покои первых секретарей. Кто тут только не сидел - от Михайлова до Зюкина. Кабинет там же и тот же, и ничего в нем не изменилось с той поры, когда я был здесь в последний раз осенью 1988 года, получая напутствие перед уходом в «Комсомольскую правду». Только портреты поменялись: над столом в раме - Владимир Путин, с противоположной стены смотрит Медведев. Так и переглядываются. А бюст Владимира Ильича белого мрамора, торжественно встречавший посетителя, убрал с глаз, задвинут в комнату отдыха за неприемной дверцей в обшитой деревом панели. Вот уж действительно чехмодан без ручки: и выбрасывать жалко, не по-хозяйски, и нести с собой в светлое будущее смысла нет.

Впрочем, едва ли у нынешнего хозяина кабинета Павла Красноруцкого, главы Российского союза молодежи, столь амбициозные планы насчет светлого будущего. Сегодняшний союз - как маленький автомобильчик на книжной полке, модель 1:43. На сайте организации говорится

Видите рубку наверху? По замыслу архитектора Цветаева здание должно было напоминать корабль...

про Ассоциацию студентов и Ассоциацию учащейся молодежи, составляющих костяк РСМ числом около 60 тысяч юных душ. А ВЛКСМ рядом с ним - как «КамАЗ» в натуральную величину. Около 200 миллионов парней и девушек прошли за семь десятилетий эту школу жизни...

Можно, конечно, прямо здесь, в этом месте, получить резкий удар в переносицу от оппонента, спешащего напомнить про бюрократов и карьеристов с комсомольскими значками, про все эти вымученные «ленинские уроки» и «вахты навстречу...», про показуху и лицемерие. Все это тоже было, и в достатке. Но знаете, что я ему в ответ? Покажу на старой фотографии своего давнего товарища Сергея Пермякова.

Познакомились мы в Чите 40 лет назад, в 1978-м. Он заходил к нам в редакцию «Комсомольца Забайкалья» перед отъездом на БАМ. Со всем юный и худой новобранец большой Стройки. А через год, когда я прилетел к нему в Сьюлбан, где он с такими же парнями вел просеку, поразилсь метаморфозе: Серега будто стал выше и шире в плечах, спокойным, рассудительным мужчиной. Бригадир, потом командир отряда «Читинский комсомолец»... И всю дальнейшую жизнь до последних дней (Сергей умер в прошлом году) с ним оставались эта спокойная уверенность в собственных силах и в правоте, эта твердая поступь по болотистой местности бытия. Он строил дорогу, потом затеял свое дело, связанное с

деревообработкой, потом бился с чиновниками и бандитами с переменным успехом. И все, что в нем было лучшего, сильного и надежного, - все оттуда, с той великой комсомольской стройки.

Один лишь пример того, как страна через комсомол дала человеку шанс не просто заработать, а построить вместе с магистралью свой характер и свою судьбу. А сколько их было! Именно такого ощущения большого и общего дела катастрофически не хватает сегодняшним молодым, с какими бы девайсами они ни ходили по коридорам бывшего ЦК ВЛКСМ.

Кстати, про зеленое здание на углу Маросейки. Его построили в 1930-м на фундаменте и стенах старого подворья Николо-Угрешского монастыря. И вовсе не для комсомола, а для Птицеводсоюза, заселив сюда же еще несколько контор с не слишком романтичными наименованиями: «Союзкруп», «Свиноводсоюз», «Льноцентр». Потом всех растолкал локтями Наркомфин, и только в 1939 году здание отдал ЦК ВЛКСМ. Вселялся комсомольский штаб сюда как раз в те дни, когда недавнего вождя ВЛКСМ Александра Косарева мучили по соседству на Лубянке и тащили на расстрел...

Говорят, верхняя угловая часть дома, закругленная и приподнятая, по замыслу архитектора Цветаева должна была напоминать рубку корабля с капитанским мостиком. Может быть, может быть. Но сегодня если и остались какие-

А это нынешние «комсомольские богини»: председатель Ассоциации студентов и студенческих объединений Юлия Смирнова (слева) и менеджер Саша Голубова.

то морские ассоциации, то разве что с выброшенной на мель баржей.

Пора возвращаться в октябрь 2018-го. Последок захожу к Виктору Мишину, бывшему первым секретарем в 80-х. Здесь же, в штабе, вилу и Володю Егорова, руководившего отделом пропаганды. Накануне на пресс-конференции встретил космонавта, дважды Героя Светлану Савицкую, и шахматного чемпиона Анатолия Карпова, и создателя и бессменного руководителя Детского фонда Альберта Лиханова, и писателя Юрия Полякова - все они так или иначе пересекались в своей прежней жизни с комсомолом. А вот еще первые секретари ЦК ВЛКСМ - Евгений Тяжельников и Борис Пастухов. И даже Виктор Мироненко, руководивший комсомолом в трескучую горбачевскую эпоху, забрал в штаб за приглашением на кремлевское торжество. Кажется, такая большая дата собирает всех, кто еще хоть как-то в строю.

Прощайся с людьми и стенами. Мишин приглашает заглядывать «как-нибудь еще». Зайду обязательно, Виктор Максимович! Может, опять перед юбилеем - накануне 150-летия ВЛКСМ?

Валерий СИМОНОВ.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

ОПЯТЬ ВОЙНА, ОПЯТЬ БЛОКАДА, - А МОЖЕТ, НАМ О НИХ ЗАБЫТЬ? Я СЛЫШУ ИНОГДА: «НЕ НАДО, НЕ НАДО РАНЫ БЕРЕДИТЬ. ВЕДЬ ЭТО ПРАВДА, ЧТО УСТАЛИ МЫ ОТ РАССКАЗОВ О ВОЙНЕ. И О БЛОКАДЕ ПРОЛИСТАЛИ СТИХОВ ДОСТАТОЧНО ВПОЛНЕ». И МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ: ПРАВЫ И УБЕДИТЕЛЬНЫ СЛОВА. НО ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО ПРАВДА, ТАКАЯ ПРАВДА НЕ ПРАВА! Я НЕ НАПРАСНО БЕСПОКОЮСЬ, ЧТОБ НЕ ЗАБЫЛАСЬ ТА ВОЙНА: ВЕДЬ ЭТА ПАМЯТЬ - НАША СОВЕСТЬ. ОНА, КАК СИЛА, НАМ НУЖНА.

Юрий ВОРОНОВ, главный редактор «Комсомольской правды» (1959 - 1965), участник блокады Ленинграда.

ХРОНИКА

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

В июне 1943 года ЦК ВКП(б) Белоруссии принял решение о рельсовой войне. Задача состояла в том, чтобы за короткий период одновременно нанести удар по всем железнодорожным коммуникациям. Партизаны провели две крупные операции, в результате которых перевозки противника в Белоруссии сократились на 40 процентов.

«Комсомольская правда», 8 мая 1974 г.

ВОЗРОДИМ РОДНОЙ ДОНБАСС!

Каждый день приносит нам вести с Донбасса. Восстановлены первые домы Енакиевского завода, возрождены первые мартены, вступают в строй новые шахты. Радуют эти сообщения советского человека. Родной Донбасс, истерзаный немцами, поднимается из пепла.

«Комсомольская правда», 8 января 1944 г.

Фронтальная полоса.

...Машина останавливается. На ступеньку вскакивает хлопчик лет пятнадцати. Он чего-то просит... Что мальчишке надо? Нам непонятно. Денег? Хлеба?

Потом вдруг оказывается:

- Дяденька, дайте два патрона.
- На что тебе патроны?
- А так, на память...
- На память патронов не дают.

Сую ему решетчатую оболочку гранаты и стреляную блестящую гильзу.

Губы мальчишки презрительно кривятся:

- Ну вот! Что от них толку?
- Ах, дорогой! Так тебе нужна такая память, с которой можно взять толк? Может быть, тебе дать эту зеленую бутылку и эту черную, яйцом, гранату? Может быть, тебе отщипить от тягача вон ту небольшую противотанковую пушку? Лезь в машину, не ври и говори все правду.

И вот начинается рассказ, полный тайных недомолвок, уверток, хотя, в общем, нам уже все давно ясно.

Сурово сомкнулся вокруг густой лес, легли поперек дороги глубокие овраги,

ЛИЦО БЛОКАДЫ

ПЕКАРЬ АННА ГОРОХОВА

Время от времени люди умирают. Это нормально. Ненормально, когда они умирают насильственной смертью и когда умирают молодыми, когда их на войне убивают пулями, минами, снарядами, ракетами, осколками гранат другие люди. И еще ненормально, когда убивают голодом. Медленно получается, с пониманием, что, цепляясь за уходящую жизнь, те, кого убивают, потеряют человеческие черты и вырывающиеся изнутри защитительные инстинкты превратят их перед смертью в животных. Чтобы убивающие почувствовали, хоть ненадолго, преимущество сытого животного над голодным.

Фашизм воевал против Ленинграда металлом, огнем и голодом. Но не победил. Голодные и мертвые блокадники оставались людьми.

Вы не помните, а между тем все было так недавно. Вас, правда, не было на свете, но люди, которые пережили блокаду, еще живы. И жив тот хлеб. Посмотри на фотографию. Это он. Не из папье-маше, не из пластика или бетона. Живой хлеб на живой руке блокадного пекаря Анны Гороховой. Это для тебя, мой дорогой, испекли его по жестким рецептам того времени (целлюлоза, хлопковый жмых, вытряска из мешков, кукурузная и ржаная мука), испекли в единственной работавшей на заводе в ту зиму печи № 6. И отмерили 125 граммов.

Смотри внимательно, это норма хлеба на один день 41 - 42-го годов. И ничего, кроме этого куска, ты не получишь бы.

Юрий РОСТ («Комсомольская правда», 9 мая 1975 г.)

ХРОНИКА

НЕМЦЫ В ЗАПАДНЕ

От военного корреспондента А. Карташова, 1-й Украинский фронт:
4 февраля 1944 года кольцо окружения вокруг немецких дивизий, стиснутых войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов севернее Звенигородка, неумолимо сжимается. Вчера группа немецких транспортников попыталась прорваться на помощь своим оккупированным частям. Она везла на борту боеприпасы, горючее, продовольствие. Прорваться транспортным самолетом не удалось. 13 самолетов были уничтожены в воздухе, большое количество вражеских самолетов наши штурмовики сожгли на земле, не дав им даже подняться в воздух.

«Комсомольская правда», 5 февраля 1944 г.

ТАРАН

На войне погибли 800 000 женщин. Среди них одна из первых - Катя Зеленко. Военный летчик. Она погибла 12 сентября 1941 года, совершив таран на немецкие самолеты. Это, пожалуй, единственный в истории авиации подвиг, когда бы женщина-летчица таранила вражеский самолет. Приказом Юго-Западного фронта № 074 от 29.12.1941 года Зеленко была награждена орденом Ленина, сообщил спецкор «Комсомольской правды» Г. Бочаров.

«Комсомольская правда», 16 марта 1975 г.

НОВАЯ ПРАВДА О ПОДПОЛЬЕ

Новые данные о Краснодарской подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» появились после суда над предателями подполья, пишет в очерке «Так боролись и умирали молодоговардейцы спецкор «Комсомольской правды» Ким Костенко. В январе 1943 года, в момент активной деятельности, по доносу предателей гестаповцы арестовали большинство членов «Молодой гвардии». Как известно, организация была создана в начале октября 1942 года по инициативе В. Третьякевича. Ядром ее стали стихийно возникшие и разрозненно действовавшие в Краснодаре и его окрестностях антифашистские молодежные группы И. Земнухова. Е. Мошкова, Н. Сумского, С. Тюленина и др. 6 октября 1942 г. в организацию был принят Г. Почепцов, он и написал потом доклад в полицию. Следствие и суд над ним вскрыли новые факты о деятельности организации. Оказалось, что названные в романе А. Фадеева «Молодая гвардия» предателями члены организации Стахович, Вырикова, Лядская, Полянская на самом деле были честными патриотами. Более того, именно Виктор Третьякевич (в книге - Стахович), а не Олег Кошевой был комиссаром «Молодой гвардии»! Третьякевича схватили в один день с Мошковым и Земнуховым. Он никого не выдал и погиб как герой.

«Комсомольская правда», 30 апреля 1964 г.

РЕПОРТАЖ С ПЕРЕДОВОЙ

ВОЙНА И ДЕТИ

распластались по берегам реки топкие камышовые болота. Уходят отцы, дяди и старшие братья в партизаны. А он еще мал, но ловок, смел. Он знает все ложинки, последние тропинки на сорок километров в округе.

Боясь, что ему не поверят, он вытягивает из-за пазухи завернутый в клеенку комсомольский билет, и, не будучи вправе рассказать что-либо больше, облизывая потрескавшиеся, запыленные губы, он ждет жадно и нетерпеливо.

Я смотрю ему в глаза. Я кладу ему в горячую руку обойму. Это - обойма от моей винтовки. Она записана на меня. Я беру на себя ответ за то, что каждая выпущенная из этих пяти патронов пуля попадет точно в ту, куда надо, сторону.

- Как тебя зовут?
- Яков.

- Послушай, Яков, ну зачем тебе патроны, если у тебя нет винтовки? Что же ты, из пустой крынки стрелять будешь?

Грузовик трясется. Яков спрыгивает с подножки, он подсакивает и весело кричит что-то несурзное, бестолковое. Он смеется и загадочно грозит мне влогонку пальцем. Потом, двинув кулаком по морде подвернувшуюся около корову, он исчезает в клубах пыли. Ой, нет! Этот паренек заложит обойму не в пустую крынку.

...Дети! На десятки тысяч из них война обрушилась точно так же, как и на взрослых, уже хотя бы потому, что сброшенные над мирными городами фашистские бомбы имеют для всех одинаковую силу.

Остро, часто острее, чем взрослые, подростки - мальчуганы, девочки - переживают события Великой Отечественной войны. Они жадно, до последней точки,

слушают сообщения Информбюро, запоминают все детали героических поступков, выписывают имена героев, их звания, их фамилии.

Они с беспредельным уважением провозглают уходящие на фронт эшелоны, с безграничной любовью встречают прибывающих с фронта раненых. Я видел наших детей в глубоком тылу, в тревожной прифронтной полосе и даже на линии самого фронта. И всюду я видел у них огромную жажду дела, работы и даже подвига.

...Пройдут годы. Вы станете взрослыми. И тогда в хороший час отдыха после большой и мирной работы вы будете с радостью вспоминать о том, что когда-то, в грозные дни для Родины, вы не забылись под ногами, не сидели сложа руки, а чем могли помогли своей стране в ее тяжелой и очень важной борьбе с человеконенавистным фашизмом.

Действующая армия. Аркадий ГАЙДАР, военкор «Комсомольской правды» («Комсомольская правда», 21 августа 1941 г.)

ДОЛГОЕ ЭХО ВОЙНЫ

P.S. В дни войны мне пошел одиннадцатый год. Мы жили в Сталинграде - это был глубокий тыл. У нас, детей, появилась потребность тоже делать что-то полезное. Стоило учительнице сказать, что надо собирать металлолом, мы бежали по двору, угонявая жителей отдать нам металлические предметы. Потом эти груды увозили на завод, где у мартеновских печей стояли наши отцы. Впоследствии мы узнали, что на броне танков и самолетов появились надписи: «Пионеры - фронту». Дети войны много работали. Мы собирали лекарственные травы, носили в дома воду, топили печи, неумелыми руками взявшись за пилу, распиливали бревна на дрова. В нашу жизнь властно вошли слова: «Ты должен».

Но больше всего мы любили ходить в госпитали. Что мы могли? Написать под диктовку письмо, передвинуть лавку. Звонкими голосами пели песни и читали стихи. Мы не понимали, почему раненые утирали слезы, глядя на нас. По радио в сводках Совинформбюро часто говорили о подвигах. Война и подвиги - это прочно засело в моей голове. Однажды даже подошла к раненому: «Дядя, расскажите, какой подвиг вы совершили?» Он ничего не ответил, но посмотрел на меня с такой печальной улыбкой, что я поняла: допустила бестактность.

Немцы форсировали Дон и за несколько часов танковым клином вышли к северной части Сталинграда... Невозможно думать о смерти в свои одиннадцать лет. Ты сидишь в подвале и чувствуешь, как трясется стена от разрывов бомб. В нашем подвале три женщины-матери и восемь детей. Война превращает нас в пещерных людей. С риском для жизни приходится добывать еду и воду. Часами чиркаешь кремниевые камни, ожидай, когда искра воспламенит паклю и можно будет разжигать печку. Бои идут на улицах поселка. Но наивные мысли не покидают меня. Я все еще мечтаю увидеть человека, совершающего подвиги. Мне кажется, я сразу узнаю его. Он будет похож на киногероя из довоенного фильма. Я не понимаю еще, что герои передо мной. Это наши матери. К нам часто стали заходить раненые бойцы. Наши матери перевязывали их. Дети разрезали полотенца и белье на бинты. Если немцы ворвутся в подвал, пощады никому не будет. Но ни разу никому в нашем подвале не отказали в помощи. У нас - одна судьба.

Людмила ОВЧИННИКОВА, член Союза писателей России.

P.P.S. Я знал около 20 воевавших мальчишек-черноморцев. Самым знаменитым, награжденным орденом Красной Звезды, был Валька Лялин. При штурме Новороссийска их торпедный катер был подбит, старшина и рулевой убиты, командир тяжело ранен. Валька, встав на ящик, навалился на штурвал, вывел полузатопленный катер из-под огня и довел его до родной бухты. Вальке тогда было 15 лет.

Мальчишки старше 14 лет назывались юнгами, они проходили короткое обучение и служили помощниками машинистов, сигнальчиков, зенитчиков. Они были полноправными участниками войны и гибли в боях так же, как и взрослые краснофлотцы. Мальчишки с 9 до 14 лет назывались воспитанниками. В боевых действиях им участвовать было запрещено. В частях их одевали, кормили и как могли защищали от фашистских снарядов и бомб. В обязанности воспитанников входило помочь - подай, принеси - на камбузе, с метлой и шваброй приборка в казарме. Я, например, ветошью протирал от густой защитной смазки перед заправкой в ленту пузатые патроны крупнокалиберных пулеметов ДШКА - основного зенитного оружия на катерах.

Обращение Гайдара к детям я не читал, тогда освоил лишь слоги. В декабре 1941 года, после первого штурма Севастополя, детей из города эвакуировали, меня вывезли в Туапсе, где приняли воспитанником в бригаду катеров-охотников. В октябре 1942-го во время налета и бомбежки меня контузило, я был отправлен в госпиталь под Батуми и полгода пролежал в гипсовом скафандре. Там я научился читать.

В Севастополе зародился мой интерес к журналистике. Помню, какое огромное впечатление на меня, мальчишку, произвел регулярно появляющийся в штабе отряда катеров военкор ТАСС Александр Хамадан, репортажи и очерки которого об обороне города публиковались в том числе и в «Комсомолке». Еще раз вспомнил о нем, когда уже и сам начал работать здесь. В 1969 году в редакции была установлена памятная стела с выбитыми на ней именами 16 погибших в годы Великой Отечественной военкоров «Комсомольской правды». Имя Аркадия Гайдара - второе в этом списке. К этому времени я уже знал все, что он написал, наизусть...

Владимир САВЧЕНКО (ШЛЮШЕНКОВ), участник обороны Севастополя.

ФРОНТОВОЕ БРАТСТВО

По окончании войны в редакции вернулись журналисты-фронтовики. В «Комсомолке» их было более ста человек. Собираясь 9 Мая на «Фронтovou землянку» в Голубом зале, они с гордостью надевали свои боевые награды. На фото - наши коллеги: метранпаж **Карл Упман** (слева) и литсотрудник отдела писем, автор военных повестей **Юрий Додлев**. В последний раз «Фронтová землянка» прошла в мае 2007 года в Клубе журналистов всех поколений газеты, в ней приняли участие 18 воевавших в Великую Отечественную военкоров «Комсомольской правды».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

ЖУРАВЛИ НАД ЗЕМЛЯНКОЙ

7 мая 1969 года состоялась премьера песни «Журавли» на стихи Расула Гамзатова в исполнении Марка Бернеса. Этот момент и запечатлен на фотографии фотокамера «Комсомолки» Тимофея Баженова. Марк Бернес пел тогда «Журавлей» в Голубом зале редакции на традиционной встрече ветеранов-фронтовиков в «Землянке». В 1969 году она проходила необычно: в редакции открывалась стела памяти погибших военкоров газеты, которую подарил газете скульптор Эрнст Неизвестный, на встречу пришли крупные военачальники и командиры Советской армии, историки Великой Отечественной, руководители комсомола, известные деятели культуры военных лет. О том, что Марк Бернес, уже смертельно больной, приготовил к записи новую песню, вездесущие журналисты разузнали раньше всех, пригласили на «Землянку». Бернес приехал и спел «Журавлей» под аккомпанемент редакционного рояля (на снимке). Стояла пронзительная тишина. И, наконец, еще минут пять все сидели, буквально оглушенные.

Кто-то даже с рыданиями выбежал из зала. Участвующий во встрече Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев подошел к Бернесу: «Дорогой друг, несправедлива судьба, что лишила нас, солдат, права плакать. Вы такое право нам вернули!»

Марк Бернес, без сомнения, является соавтором песни. Прочитав стихи Гамзатова (в переводе Наума Гребнева) в «Правде», он буквально заболел ими. Связался с автором, уговорил заменить в тексте слово «джигиты» на «солдаты»: «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей...» Гамзатов тут же согласился. Музыку написал друг Бернеса Ян Френкель. Иосиф Кобзон, тоже влюбившийся в «Журавлей», уступил право первого исполнения своему старшему товарищу. В июне Бернеса положили в больницу, откуда он через неделю отпросился на «Мелодию», чтобы успеть записать «Журавлей» на пластинку. Через день после записи он потерял голос, а 17 августа скончался. Его провожали под фонограмму «Журавлей».

P.S. Память о Великой Отечественной в «Комсомолке» всегда была особенной: редакция награждена орденом Боевого Красного Знамени за освещение событий в годы войны. Данью памяти нашим коллегам, прошедшим фронтowymi дорогами, стали знаменитые редакционные «Фронтové землянки», приуроченные к Дню Победы. Именно в этот день собирали журналистов-фронтовиков, которых в 50 - 60-е годы было немало, приглашали героев войны, известных артистов. А «Журавли», впервые исполненные здесь Марком Бернесом, навсегда ушли в народ...

Кстати, и знаменитая песня «Землянка» (композитор Константин Листов, первая исполнительница - Лидия Русланова) тоже родилась в «Комсомолке». После ее исполнения на редакционном четверге стихи автора, поэт Алексей Суркова были напечатаны в газете 25 марта 1942 года. Они моментально стали популярными на фронте, переписывались и заучивались бойцами. И согревали солдат...

Галина ЯНЧУК.

СЛОВО РЕДАКТОРА

В любом издании СССР внимательно относились к письмам читателей (были на этот счет даже категоричные постановления партии и правительства), каждое посылало своих корреспондентов «по письмам читателей», любая газета в двойном, а то и в тройном контроле отслеживала «путешествие» писем по отделам редакций и публиковала результаты проверок. Но лишь в «Комсомолке» в 60 - 70-х годах, после того как по утрам в коридоре редакции стали выстраиваться бесконечные мешки читательских писем, возник регулярный сбор лучших перьев газеты на «Час письма», когда сотрудники отдела писем вместе с прославленными журналистами газеты сходились в Голубом зале для обсуждения самых необычных, проблемных, загадочных, а порой и трагических писем. Важна ли тема, актуальна ли она, решаемы ли в принципе и - главный вопрос! - что делать с письмом: открыть ли дискуссию на страницах газеты, столкнуться ли два мнения, послать ли в командировку журналиста, юриста, экономиста или комсомольского работника - вот что обсуждалось на этих встречах. Так рождались лучшие рубрики газеты: «Письмо позвало в дорогу», «Командировка по письму», «Планерка читателей», «Читательский фельетон» и даже насмешливая - «Ну и ну!».

«Час письма» - это не 60 минут, разговор затягивался порой на много часов. И я помню, какими счастливыми выбегали из зала те, кому доставались самые интересные, самые трогательные или кошмарные письма. А нам - нам оставалось ждать возвращения счастливых или командировок и, конечно, их «эпохальных» публикаций на полосе с тем же названием - «Час письма».

Вячеслав НЕДОШИВИН, в 1985 - 1986 г.г. - редактор отдела морали и права, писем и массовой работы «Комсомольской правды».

Этого не было ни в одной газете, этого вообще не было нигде и никогда.

ЧАС ПИСЬМА

ПИСЬМА В «КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ»

ЯЧЕЙКИ - НА ЗАЩИТУ СЕЛЬКОРОВ

В нашей ячейке 10 июля, в 11 часов ночи, был убит выстрелом в окно передовой активной стеной газеты, был членом правления местного кооператива и сельской ревизионной комиссии... С улицы в окно раздался выстрел. Пуля прошла через правую лопатку в сердце Хохова. «Я убит», - были последние слова Коли, молодого борца за новую, советскую деревню. Но этим кулакам не удастся запугать остальных селькопов, которых имеются тысячи.

В. ЛУКИН, Пензенская губерния («Комсомольская правда», 1925 г.).

СРОЧНЫЙ ГРУЗ МАГНИТОСТРОЮ

Смотрю я на поезд, хожу по станции и вижу, в тупике на вагонах мелко написано: «Груз Магнитострою». И стоят эти вагоны... То идет, другое идет, а они стоят. Взял я и тайно (не знаю, можно ли так?) написал плакаты, да и приклеил на вагоны. А написал так: «Товарищи! Здесь срочный груз гиганту металлургии Магнитострою. Не будь преступником перед страной, жаждущей железа. Проталкивай груз в первую очередь!» И что же? Ушли вагоны. Спрашиваю у началька про них. А он говорит: «На них надпись какая-то неудобная. Неловко их на станции держать». Мне стало радостно от своей помощи.

Комсомолец Ал. Барышев, телеграфист станции Амосов («Комсомольская правда», 1929 г.).

«ОН НЕ ДАЛЬНИЙ - ДАЛЬНИЙ!»

Девушки! Сестры-комсомолки! Далеко на востоке, в Приморской и Приамурской тайге, мы, женщины, перестраиваем замечательный край. Пять лет назад - тогда мне было 17 - я стала дальневосточницей. Я попросилась в самый глухой район, на побережье Тихого океана. На берегу его разместились два-три домика и несколько маленьких землянок. С первых же дней я полюбила свой маленький поселок, свою бухту, полюбила не только такой, но и той, какой она уже стала сейчас. Сейчас выросли двухэтажные красивые дома. Перед каждым корпусом разбит парковочник. В поселке ныне два стадиона, теннисные корты, в ложине у живописного ручейка разбит парк - эстрада, танцевальные площадки. От речки проведен водопровод, и пьем мы теперь чистую ключевую воду. Есть у нас школа-семилетка, звуковое кино, прекрасный оборудованный госпиталь. Помню, нам пророчили: «Если у вас будут дети, они будут в этих землянках расти уродами». Пусть эти неверящие приедут и посмотрят на наших замечательных детей. Когда родилась моя Юлька, она весила больше четырех кило. И вот, дорогие подруги, вместе со всеми дальневосточницами я зову вас приехать к нам. Я не зову вас на отречение от жизни. То, что вас ждет, хотя и трудно, но так увлекательно, интересно. Мы ждем вас!

Валентина Хетагурова-Зарубина («Комсомольская правда», февраль 1937 г.).

ЗА ЧТО Я ВОЮЮ

Уважаемые товарищи! Я снова после ранения еду на фронт. Три часа назад я поцеловал влажные глаза девушки, потом поцеловал холодные, гладкие, мраморные колонны метро, а, выйдя из него, незаметно положил в карман кусочек асфальта. Это прощание - сентиментальная любовь влюбленного в Москву...

Я не видел, что сделали вандалы с Римом. Но я читал книги. Я не был в дантовых кругах ада, но я читал о них. Это жутко. Но все это - ничто в сравнении с тем, что делают гитлеровцы в моей стране... Зимой в деревне, находясь в разведке, я видел маленького мальчика лет 4 - 5. Он стоял на обочине шоссе, а в юбете лежала молодая раненая женщина, очевидно, его мать. По дороге с грохотом и лягом шли немецкие танки. Что заставляло мальчика поднять руки, что научило его этому - страх или желание жить, - не знаю. Но он стоял рядом с раненой матерью, поднимая ручки. Он сдавался

на милость «победителей». Огромные тяжелые машины проходили мимо. Но вот один танк резко свернул в сторону и раздавил ребенка гусеницей. Я не могу писать. Слезы душат меня. И когда я иду в бой, я вижу этого крохотного мальчика и слышу его голос: «Отомсти!».

Я вспоминаю встречу с немецким лейтенантом, законченным фашистом. Сначала шли раскаяния, умоляющие взгляды, слово «карада». Потом пошли на откровенность: «Моя профессия - война, - сказал он, - меня послали завоевать эту землю». «Но на каком основании?» - «На основании того, что мы немцы!»... Разве этот гитлеровец когда-нибудь поймет смелого юношу Данко, который вырвал собственное сердце из любви к людям?!

А. Андреев, красноармеец, полевая почта («Комсомольская правда», июль 1942 г.).

«МЫ СТРОИМ ДИВНЫЙ ГОРОД!»

Поселились в поселочке Скит, где было несколько домиков. Кругом тайга, горы, и даже могучий Енисей здесь так стиснул гранитными скалами, что, кажется, рукой дотянешься до другого берега. Что говорить, первые письма отсюда мы опустили в ящик, приколоченный прямо к сосне. Не скоро их забирал почтальон: попать к нам было трудно, особенно осенью, когда только вертолет связывал нас с Большой землей. Но мы дали клятву: «Не уйдем отсюда, пока не построим ГЭС»... Работали даже ночью. Подойдет баржа со срочным грузом - весь комсомольский городок поднимается на выгрузку. Уже теперь в поселке около 200 домов, четыре магазина, две столовые, пекарня, медицинский городок, школа и два клуба. Ко многим приехали родители, братья и сестры. Только в школе учится уже 240 ребятшек.

И вот мы задумались: как назвать свой поселок. Старое название Скит не только не устраивало нас, но и обижало. Какой же это скит, когда ключом бьет бурная жизнь. Много разных названий предлагали ребята. Лишь одно понравилось всем - Дивногорск, дивный город. Это название и утвердил Верховный Совет!.. Сейчас мы строим мост через Енисей. Он-то и свяжет оба берега, с которых начнется штурм великой реки. Работы у нас еще много.

Борис Секретарев, секретарь комитета ВЛКСМ строительства ГЭС, Анна Малышева, табельщица, Абай Турсунов, старший мастер («Комсомольская правда», декабрь 1957 г.).

ЗНАЕТЕ, КАК ПАХНЕТ ХЛЕБ?

Живешь в своей стране и многим не дорожишь. Не пойму, например, почему молодежь рвется из деревне в город. Как угодно - только в город. Я же считаю, что и в деревне много дел, и их делать надо нам, молодым. Разве не интересно оставаться там, где на тебя рассчитывают и тебе верят? Я, например, очень хочу скорей закончить училище и работать. И каждую весну будет посеяна, и каждую осень - уборочная. И нет на свете запаха более приятного, чем запах хлеба.

А. Касаткин, Костромская обл. («Комсомольская правда», 1974 г.).

КОМСОМОЛ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА?

О своем намерении возродить лучшие традиции комсомола заявили после роспуска ВЛКСМ на XXII съезде сторонники оргкомитета «За возрождение комсомола». В оргкомитет вошли 14 делегатов съезда из Белоруссии, Казахстана, России, Узбекистана, Украины. Думается, что в условиях плюрализма мнений имеет право на существование и точка зрения сторонников социалистической идеи как неотъемлемой части общечеловеческой гуманистической традиции.

7 - 8 ноября в Санкт-Петербурге пройдет встреча последних (а может быть, первых?) комсомольцев эпохи перехода к капитализму. Красную дату календаря рано списывать в архив. Этот день раньше помпезно и торжественно отмечала вся советская молодежь. Сегодня забудут?

И. Малайров, член оргкомитета «За возрождение комсомола» («Комсомольская правда», 29 октября 1991 г.).

«Желтый свет»

Так назывался очерк, опубликованный в «Комсомольской правде» 23 августа 1959 года. В нем подвергалось критике поведение некоторых учащихся 213-й школы г. Ленинграда. Как сообщил директор школы П. А. Мельников, корреспонденция «Желтый свет» сыграла определенную положительную роль в воспитании учащихся. В настоящее время учащиеся 9-го класса Сергей Белов, Игорь Игнатьев и Сергей Мамаев занимаются на четыре и пять. Успешно проходят производственную практику на заводе, активно участвуют в общественной жизни школы. С. Белов и И. Игнатьев в ноябре приняты в ряды ВЛКСМ, С. Мамаев готовится к вступлению в комсомол. Леонид Белов, ученик 7-го класса, учится успешно и добросовестно, выполняет отдельные поручения пионерского отряда. Следует подчеркнуть, что родители этих учащихся уделяют большое внимание воспитанию своих детей и оказывают помощь педагогическому коллективу школы.

(«Комсомольская правда», 27 февраля 1960 г.)

Отписались, отмолчались, отговорились

В домодедовском магазине «Одежда» Подольского района Московской области была обнаружена продажа товаров по завышенной цене. Капитан милиции тов. Марков, вместо того чтобы установить действительных виновников, решил возложить ответственность на всех продавцов. Вместе с директором К. Фокиной, которая завысила цены, от работы в магазине были незаконно освобождены и молодые продавцы А. Соловьева, Нина Федухина, С. Малышева и Рая Соколова. Они пожаловались прокурору района. Тот поручил следователю открыть дело. Выяснилось, что виновна только одна Фокина. Прокурор отменил решение об отстранении продавцов от занимаемых должностей и обязал председателя Домодедовского горпотребсоюза Королева восстановить продавцов. Однако Королев отказался выполнить распоряжение прокурора. Обо всем этом было рассказано в корреспонденции «Под одну гребенку», напечатанную в «Комсомольской правде» 18 февраля 1960 года. Председатель Домодедовского райпотребсоюза прислал в редакцию постановление правления. Тов. Королеву указано. Принято во внимание его объяснение, что уволенные продавцы вновь работают в магазине.

(«Комсомольская правда», 27 февраля 1960 г.)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Здесь аисты живут, не улета... Так назывался фоторепортаж из села Борки Волынской области. В нем проживали 34 (!!!) матери-героини. Наш фотокор рассказывает: в селе я прожил три дня и был удивлен, насколько красивы там люди. Они все родились в любви. Жизнь там буквально кипела! Событий было столько, что я менял одну катушку пленки за другой. Удалось даже снять возвращение домой демобилизованного солдата. Самое трудное было собрать всех матерей с орденами «Мать-героиня» (а его давали только тем,

кто родил 10 и более детей). Но комсомолцы, сопровождавшие меня, сказали: НАДО! И в 9 утра на школьном дворе я сделал этот снимок. Конечно, все дети в кадр все равно не поместились. Но снимок, опубликованный в «Комсомолке», помню, вызвал огромный отклик. А фото заняло потом самостоятельную жизнь: где только его не печатали...

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА («Комсомольская правда», 24 апреля 1986 г.).

ПИСЬМО ПОДСКАЗАЛО ТЕМУ ФРЭНК СОЛДАТКИН - МЕСТНЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Владимира задержали за кражу полубубка, а он, выйдя из милиции, стал распространять слухи, что его преследуют за политические убеждения.

- Я противник соцреализма.

На заводе заметили, что «противник соцреализма» едва держится на ногах. Мастер возмутился и отстранил забудыгу от работы. На другой день с ним беседуют начальник цеха, профгруппорг. Комсомолцы ему говорят:

- Пропынь получку, на что жить будешь? А Владимир в ответ неожиданно заявляет:

- В Италии Армия спасения дает тарелку супу тому, у кого не на что пообедать...

Заводские активисты собрались наказать его за пьянство, за прогулы. Но теперь все это отошло уже на второй план. Комсомолцы начинают терпеливо разъяснять ему основы политграмоты. Они начинают с ним, как с неразумным дитятей, а он лишь презрительно ухмыляется:

- Старо! Слышали! Устал я от ваших проповедей...

Вечером Сергей Николаевич Солдаткин приходит домой и застаёт ужасную

картину. На кровати штабелями сложены какие-то тела в нечищенных ботинках, на полу разметана домашняя утварь, из угла в угол слоняются полупьяные девицы. В груде бездыханных тел Сергей Николаевич отыскал Фрэнка Диснея, который оказался его сыном Владимиром.

- Хелло, предок! Я порвал с Любой. Эта чертвяк женщина безнадежно глупа, она презирает рок-н-ролл. Я послал ей ноту protesta.

«Нота» Фрэнка Диснея оказалась прелюбопытной. «Ты меня теперь несколько не интересуешь. Я тебя сейчас отношу к 10-му сорту. Мой идеал - получить аттестат, поступить в вуз и найти девицу, у которой родители или профессора, или писатели, или композиторы, или ученые. Вот увидишь, что через пять лет я буду обладать машиной, женой 1-го сорта и минимом трехкомнатной квартирой. А тебя я прокинуаю: какой я кретин, что женился на тебе. Гуд-бай, красotka!». Собственно, это письмо, полученное редакцией, и послужило поводом для нашего знакомства. Фрэнк Солдаткин предлагает открыть «Комсомольской правде» персонально с

ним политическую дискуссию по целому ряду проблем.

- Разъясните мне, почему я не имею возможности иметь машину и дачу.

Мы говорим ему, что жить за счет родителей и женщин - постыдно, гнусно, а он свое:

- Вы объясните мне, почему я не могу каждый вечер сидеть в ресторане, если мне хочется? Мне нужны деньги на рестораны, а кто их будет платить, разве это важно?

Он нигде больше двух-трех месяцев на работах не задерживается. Лицо без определенных занятий, фланирующее по улице Горького. Лохматый стилиста, стреляющий у иностранцев тряпки. Ему ничего не стоит охать идеалы и принципы нашего общества, он готов повторить за своими сомнительными иностранными знакомыми всякие бредни... Что это за белые вороны на наших улицах, откуда они к нам залетели?

А. СУКОНЦЕВ, И. ШАТУНОВСКИЙ. Москва. («Комсомольская правда», 11 августа 1960 г.).

КАК ЭТО БЫЛО

Вечером накануне 12 апреля меня позвал в свой кабинет главный редактор «Комсомолки» Юрий Воронов. Там уже была Тамара Кутузова, наш репортер, тайно исчезнувшая с полугода назад из редакции и пробиравшаяся, как оказалось, на работу в первый отряд космонавтов. Она докладывала Воронову: «Полет будет, скорее всего, завтра...» «Никому ни слова, - предупредил нас главный. - Утром будьте у дома Гагариных, слушайте в машине радио. Если полет состоится, сразу позвоните по снимкам и быстрее в редакцию».

Ночью выпал чистый апрельский снежок. Машины бежали с белыми крышами. Мы поставили редакционную «Волгу» в сторонке и открыли дверцы. По радио булькала какая-то музыка. Но вот она смолкла, и мы услышали всем знакомые торжественные слова: «Говорит Москва! Говорит Москва!» Через пять минут мы были у дома, хорошо знакомого Тамаре...

Комнаты были уже наполнены соседями. Все с радостью толпились у телевизора и поздравляли жену Гагарина Валю. Две дочери Гагариных грызли яблоки и не понимали, что происходит. Мать то улыбается, то вытирает ладонью слезы... Этот миг ее волнения мне удалось поймать объективом.

В редакции столпотворение! Все спешат с распросами. Юрий Петрович всех собрал в Голубом зале. Мы с Тамарой подробно отвечали. С особым интересом разглядывали фотографии. На мне лежала серьезная ответственность: Валя Гагарина неохотно дала домашний альбомчик - показать в «Комсомолке», боюсь, что растащат снимки. Пришлось каждый снимок пускать по рядам, смотреть по очередности. «Вот он! Простой, явно умный парень... Это мать, это отец - деревенские люди... А это Валя с космонавтом грибы собирает. Гагарин на крыле легкого самолета. Прыжок с парашютом...» Потом бегу в фотолабораторию - проявить сделанные в то утро снимки.

А в метро и на улицах - главные разговоры о нем, Гагарине... Где же он сам?

В «Комсомолке» работал Павел Барашев. Он был специалистом по делам авиации. «Давай позвоним по «кремлевскому» телефону»... Ответил нам (забыл фамилию) вежливый человек: «Я хорошо понимаю ваши заботы. Слушайте внимательно. Через час с Внуковского аэродрома в нужное место пойдет самолет. Вас возьмут. Но не опаздывайте...» Примчались вовремя. Самолет был пустой, кроме нас, двух бортпроводниц и пилотов - никого. Через два часа мы сели в Куйбышеве на заводском аэродроме. Никто нас не встречал, никому мы были не нужны. Молодой лейтенант спросил: «Вы куда?» Узнав, в чем дело, парень почесал в затылке: «Да что же с вами делать?» Это был читатель нашей газеты и он считал долгом нам помочь.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Первые это имя и фамилию - Юрий Гагарин - я услышал в Нью-Йорке. Добродетельная настороженность, с которой нашу молодежную делегацию опекали там «молодые христиане», 12 апреля сменилась бурной восторженностью. Словно это кто-то из нас оказался первым человеком в космосе. Нам прощало даже то, что на первых порах мы, особенно несгибаемый сибиряк Женя Верецагин, упорно педантировали на очевидном, на том, что этот первый человек советский. И что первый спутник тоже был советским. Это был тот редкий случай, когда все, с кем мы в те дни встречались, начисто забыли о национальной гордости североамериканцев и ликовали по поводу того, что человечество преодолело земное притяжение и вырвалось в космос. Я чувствую себя именинником вдвойне. Газеты миллионами экземпляров тиражировали снимок Гагарина с его сразу ставшей фирменной улыбкой на устах и белым голубем в руках. Увидев под снимком фамилию автора фото, я всем, кому только можно было, разъяснил, что это дело рук Павла Барашева, моего коллеги по «Комсомолке» и соседа по даче.

Первый раз позвать Гагарину руку мне довелось, когда он прибыл на встречу с активом в конференц-зал ЦК ВЛКСМ.

Потом встретились в Георгиевском зале Кремля на приеме в честь какого-то высокого зарубежного гостя. Когда пришла пора расходиться, я от балды предложил ему поехать в «Комсомолку». Он посмотрел на меня как на чокнутого.

- В такую-то пору?
- Газета выходит в лучшем случае в половине двенадцатого, - объяснил я ему.
- А может, и правда махнуть? - не столько меня, сколько у себя спросил Гагарин.

Поднялись мы на шестой этаж не через редакционный, а через издательский подъезд, который вплотную примыкал к командному пункту «Комсомолки». Часовой у лифта, который

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ ЮРИЯ ГАГАРИНА

«Я доведу вас в одно место. А там - по обстоятельствам...»

За городом на берегу Волги увидели мы большой дом. На воротах дежурный: «Вам кого?» Объясняем. Зовет кого-то. И вдруг узнаем генерала Николая Петровича Каманина, давнего друга газеты, еще с челюскинской эпопеи. «А, комсомолия, пронохали, где что лежит. Проходите, минут двадцать сидите». (Позже узнали: один из первых Героев Советского Союза приставлен был к первым космонавтам «дядькой»-воспитателем.)

Чтобы скоротать время, шары бильярдные катали. Фотокамеру я держал наготове, с беспокойством глядел в окно - апрельское солнышко уходило... Целился в шар, когда по скрипучей деревянной лестнице сверху молодым шагом сбегал невысокого роста майор. Он был один, и в первый момент мы решили, что это посылный сверху - еще раз сказать, чтобы мы подождали. Но майор протянул руку. «Здравствуйте. Это вы из «Комсомолки»? Батюшки, да это же он! Ну конечно, это Гагарин... Худенький невысокий майор вполне понимал ситуацию и так хорошо, так дружески улыбнулся, что мы сказали: «Юра...» Просто иначе и не могли назвать.

Куда улетели из головы старательно заготовленные вопросы? Я мучительно думал: о чем же спросить? О самочувствии, о здоровье? Но подтянутый вид и эта улыбка

исключали вопрос. Мы достали из сумки газеты... Это был хороший подарок. Гагарин внимательно, с улыбкой рассматривал снимки жены и старшей из своих дочерей. Просто сказал: «Спасибо».

Мне нужен был снимок! Надо в каком-нибудь действии. Лихорадочно соображаю: что это может быть?

- Юра, играете на бильярде?..
- Давайте. - И опять улыбка.

Игры-то, понятное дело, не было. Минут десять потолкали шары. Потом, схватив камеру, я снимаю. Выжимал все, что можно. Крупно - шар! Он - как земля... Мою творческую фантазию прервала дядька: «Ну, наверно, уже довольно? Пойдем, Юра, пойдем...»

И они пошли вверх. На середине лестницы майор оглянулся и подмигнул двум пьяным от радости журналистам: дескать, мы еще встретимся... Передали в газету маленький репортаж.

Утром сразу приехали на берег Волги, к уже знакомому дому. И вот Гагарин уже на пороге. День солнечный. Полуболевали Волгой. Снимки на память. И вот шеренга машин уже у самолета. Весь завод на десять минут прекратил работу. Гагарин на трапе с поднятыми руками. Минута прощания. Гул голосов: «Га-га-рин! Га-га-рин!» Самолет поднимается и берет курс на Москву.

В самолете, как и вчера, пусто. Прибавляется только один, но важный пасса-

Валя Гагарина. Снимок сделан в минуту, когда сообщили: дана команда на приземление.

жир. Конечно, молча не сидели. Правда, разговором о полете Гагарина не стали беспокоить, боялись - не расплескать бы свежие впечатления... По очереди фотографировались. Потом проводницы принесли что бог послал к обеду.

Менялся ли Гагарин со временем? Меня часто об этом спрашивали. Я сказал бы так: набирался мудрости. Ум, чувство такта, юмор, доброжелательность в нем были всегда. Я видел Гагарина в кругу друзей, на трибуне, на космодроме, за семейным столом, в дороге, на охоте. И всегда он был «Гагариным».

Василий ПЕСКОВ.

АВТОГРАФ ДЛЯ «КОМСОМОЛКИ»

хорошо, разумеется, знал меня, сунулся было к моему спутнику.

- Ваш пропуск? - И отпрянул, козырнув и заорав во весь голос: - Пожалуйста, проходите, товарищ Юрий Алексеевич Гагарин!

Наш неожиданный гость не успел еще снять шинель в кабинете главного редактора Юрия Воронова, который был в отъезде, а Рита Басалова, его секретарь, приоткрыв дверь кабинета, уже шептала мне:

- Там народ собрался!
Я сказал об этом Гагарину. Он укоризненно посмотрел на меня, но тут же овладел собой: - Запускай!

И когда ввалилась первая очередь поборовших ради такого случая даже дежурство «комсомолят», каждому казалось, что нет для Юрия Гагарина большего удовольствия, чем потропаться с ребятами из «Комсомолки». Из рук в руки переходила фотография Василия Пескова, уже близко знакомого с Гагариным, который оставил на снимке автограф. Так появилось знаменитое посвящение первого космонавта «Комсомольской правде». И это было началом его большой дружбы с нашей газетой.

...Гагарин не было многословным, особенно по поводу своих забот в Звездном городке, где все, чего ни коснись, - тайна, но очень любил слушать. Быть может, это было для него способом расширения кругозора, а ему, он был уверен, надо было его расширять, чтобы не улететь в грязь лицом во внезапно и необъятно распахнувшееся для него море. Наши разговоры крутились вокруг «Комсомолки», которую он выписывал

и читал. Она ему нравилась, и он не понимал, почему комсомольские секретари и в рабочей обстановке, и в неофициальной, но все время на меня, как теперь бы сказали, наезжают. Я объяснял как мог, но случай помог сделать это устами самого первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павловича Павлова.

Как Хрущев, избранником и любимцем которого он был, Павлов мог ополчиться, гневно и громко, на бюрократов, хапуг, очковитателей, публично поддержать соответствующие выступления «Комсомолки» и тут же заявить, но без демагогической нотки, что, мол, еще недостаточно наступательно она это делает. Но стоило ему побывать на каком-нибудь современном обличительном, пусть и в меру, спектакле, увидеть такого же рода фильм или прочитать новый роман, как моментально начиналось саркастическое словозвержение с обязательным кивком в сторону той же «Комсомолки», которая мирится с таким извращением действительности, не выступает против навязанных Западом попыток идеологического растления нашей молодежи, «поддразнивает всяким хлыщам и пижонам от литературы и искусства». «Новый мир», «Юность», «Современник», «Таганка» - эти названия и имена их руководителей и авторов вызывали у Павлова вспышки гнева, которые, впрочем, так же быстро и проходили.

На сей раз дело было в Переделкине. Опять какой-то праздник. «Переделкин» на жаргоне комсомольской элиты именовалась дача для секретарей и членов бюро ЦК комсомола, расположенная недалеко от более известного ра-

сательского поселка. Под горкой, на которой стоял дом, на берегу небольшого озера была выстроена финская банька. Туда и пригласил нас с Гагариным после официальной части Павлов. И вот, едва взгромоздись на полку, он завел привычную уже для меня песню. Неожиданным было место, выбранное для очередной проработки, и то, что Сергей Павлович решил вовлечь в этот процесс и Гагарина. Почти сразу я понял, что баня втроем была задумана именно с этой целью. Он, чувствовалось, специально себя заводил, пытаясь воспламенить этим самым и Гагарина. Сергей Павлович (только так мы с Гагариным его называли), пользуясь своим старшинством, даже рассадит нас, голяков, на полке постарался так, чтобы устроить мне что-то вроде корбочки: я оказался в центре, справа Павлов, слева Гагарин. Но в этом-то и была промашка Сергея Павловича. С Гагариным они были дружны. Юрий относился к нему если не как к отцу - разница в возрасте была в пять лет, то как к старшему брату, чей авторитет был для него неоспоримым. Он не то что не решался - не брался возражать ему даже тогда, когда был с ним не согласен, как и в этот раз. Он просто держал меня за руку (его не мог видеть Павлов) и молча пожимал ее в те моменты, когда наш третий сотоварищ в очередной раз брал самую высокую ноту, а я отвечал ему в той же тональности.

...Уже недалеко был тот час, когда Павлов позвонит мне в «Комсомолку» и со спазмом в горле скажет, что разбился Гагарин...

Борис ПАНКИН.

СЛОВО О ДРУГЕ

КОСМОНАВТ ГОЛОВАНОВ

Нет, не ищите эту фамилию в космических летописях и мемуарах покорителей Вселенной. Ее там нет. А между тем Главный конструктор Сергей Павлович Королев именно нашего коллеги, научного обозревателя «КП» Ярослава Голованова выбрал из всех других журналистов для полета в космос. Вот как это было.

Из дневника Ярослава Голованова, 1965 год: Незадолго до юбилея Раушенбаха был разговор с СП (Сергей Павлович Королев. - Ред.) в Подлипках. Говорили о моей книжке. Королев требовал, чтобы я равнялся на Льва Толстого, убеждал меня в необходимости продолжения повести, научного обозревателя «КП» Ярослава Голованова выбрал из всех других журналистов для полета в космос. Вот как это было.

Иногда упрямство в палату, где я валялся в ожидании приглашения на очередную экзекуцию, оторвалась, и Кирильч с порога крикнул: - Ну вот и все. Меня забраковали!

Он крикнул это в своей обычной манере, слегка ерничая и даже с улыбкой на бородатом лице. Но я увидел слезы в его глазах. Он плакал.

Никто не был достоин этого полета так, как он.

Проницательный Королев отдавал должное явным талантам Ярослава Голованова, его термоядерной энергии, любознательности, преданности космической теме. Равных Голованову Главным конструктор не видел. Он хотел, чтобы именно Слава рассказал наконец всем нам, какая она, Вселенная, и как выглядит оттуда наша Земля. Ведь и до сих пор никто этого толком нам так и не рассказал.

Когда человеку под шестьдесят, а он все еще мечтает о полете на ракете и соглашается ради этого пройти все круги отборного ада, значит, он либо сумасшедший, либо герой. ...Я смотрел в окно, как Слава покидал «детский сад». Вышел из подъезда, была зима, скользко и мокро. Споткнулся на обледенелой дорожке, упал.

Сердце защемило. А на следующий день медики сняли с дистанции и меня. В космос полетел японский журналист, за которого его телекомпания заплатила несколько миллионов долларов. Ничего путного от нам не рассказали. Гора родила мышь.

Если бы полетел Голованов, мир, возможно, стал бы другим.

Владимир СНЕГИРЕВ.

Василий ПЕСКОВ.

Борис ПАНКИН.

Владимир СНЕГИРЕВ.

Точно помню свое недоумение в то первое утро. Что, всего 80 килограммов? Наверняка диктор на радио оговорился и потерял ноль. Наверняка 800 - а то куда человека всунуть? Со школьным дручком, ярым физико-химическим экспериментатором, мы забрались на его сарай в частном секторе города Ворошилова Приморского края (сейчас Уссурийск) с маленькой самодельной подзорной трубой наблюдать проплывание рукотворной звездочки с запада к нам, на восток... Весом все-таки в 80, а не в 800 килограммов. Пробный шарик новой человеческой зры.

Закон сообщающихся сосудов

уже легендарными «космическими перьями». Что буду, например, провозить в полет (1980) Геннадия Стрекалова, инженера «Энергии», который молодым медником в цеху вместе с дедями-руководителями киянкой выравнивал под микроскопом оболочку того самого «пробного шарика»... И вот самый ходовой, можно сказать, вопрос мне от друзей-приятелей: скажи, там у них за охраной и оградками действительно стерильно безупречный мир? Или работает всемирный «закон сообщающихся сосудов» с перетеканием туда нашего общего бардака?

«Сосуды», конечно, сообщались. В те времена однако их старательно разъеди-

няли. На виду прессы с ТВ была парадная Госкомиссия с генеральскими и Золотыми Звездами, гладкими докладами ведущих конструкторов о готовности. А до того - рабочая обстановка, где стоял суший ор об испытательных сбоях в системах, претензиях друг к другу и прочих недоделках, так что казалось, полет невозможен. Этого никто не должен был видеть. Сведения о Королеве сначала совсем прятали, потом лакировали. А спросишь бывшего соратника, услышишь: «Что такое Королев? Это когда он входит в сборочный цех, все прычутся за лежащей ракетой и внизу, по ногам, следят, куда он движется, чтобы смяться с глаз... Его у нас

звали Стервятник-2, по американскому спутнику «Стервятник», который следил за Байконуром...» Видели мы сегодня у первых лиц отрасли такую же неумолимую практическую хватку? То-то. Безупречность - это от понимания закона сообщающихся сосудов, от тройных - пятерных заслонов и фильтров на пути всякой халтуры. В космической отрасли тернии всех этих рисков родили волшебный отряд кризисных космиков, как правило, доводящих пилотируемый полет до ума. Их бы и в госуправление - вытягивать своей штабной аналитикой всю пикирующую страну.

Андрей ТАРАСОВ.

НАША СПРАВКА

Первый искусственный спутник Земли был запущен 4 октября 1957 года в 22 часа 28 минут по московскому времени. Запуск был осуществлен с 5-го научно-исследовательского полигона Министерства обороны СССР Тюратам (получившего впоследствии открытое наименование космодром Байконур). «Ключ на старт», а затем и кнопку «Пуск» брал техник-лейтенант Борис Семенович Чекунов. Он же 12 апреля 1961 года запустил в полет ракету с первым космонавтом Юрием Гагариным.

Алый парус

ДЕБЮТ В «КП»

ЧТО ТАКОЕ ЧЕСТНОСТЬ?

Мы приехали в Ленинград с тем чувством свободы, которое испытывает ученик, когда перед ним три месяца каникул. Мы - это наш десятый класс и наш учитель Лидия Алексеевна.

Так уж бывает, что все ребята хотят скорее стать старше. И пусть это никогда и ни у кого не получается, но все дробятся этого, иногда даже странными методами. Вот и мы, «мужской состав» нашей группы - пять мальчишек, когда нам поднаедали экскурсии, собрались в своей комнате и расплили бутылку сухого вина. Потом мы позабыли об этом.

Вернулись в школу и с жаром рассказали о поездке нашему комсору. Обо всем рассказали, в том числе и о бутылке. Так просто, между прочим. И вдруг...

Тише. Идет собрание. Обсуждается наша поездка. Мы сидим очень довольные -

хотят объявлять благодарность за хорошее поведение. Ну тут встает комсорг и говорит: «Если ребята честные, они не примут благодарности. Они признаются. В чем - знают сами». Да, мы знали. Но сначала до нас не дошло, мы взелись на комсорга. Сначала. Теперь я стараюсь понять, что же это за человек? Нужна ли такая честность?

Однажды, когда комсору поставили пять, он подошел к учителю и сказал, что все списал. И это тоже честность. Но все равно, чем-то одна честность от другой отличается. Одна девчонка сказала на собрании: «Если тебе доверили тайну, разве можно ее выдавать?» Вообще-то нельзя. Может быть, все-таки комсорг прав? Никак не можем разобраться.

Андрей МАКСИМОВ, Москва
(«Комсомольская правда»,
22 декабря 1974 г.)

P.S. Это одна из первых публикаций в «АП» известного ныне тележурналиста, драматурга, писателя **Андрея Максимова**. Авторские телевизионные программы его пять раз удостоивались премии ТЭФИ. В качестве режиссера поставил двадцать спектаклей. Вместо комментария Андрей прислал три строки из будущей книги стихов: *Мой Бог, как хороши воспоминания о днях, когда лечило нас страданье, когда не в цели - цель, а цель в исканье... Вот такое эхо «Алого паруса»!*

ПОМОЖЕМ!

ГДЕ ТЫ, СЫН ПОЛКА?

Здравствуйте! Ближится 30-летие Победы. Каждый человек перебирает в памяти события давних лет, и наша мама тоже вспоминает 1944 - 1945 годы, когда в ее класс пришел сын полка Михаил Гришин. В то время мама работала в городе Обручев Украинской ССР учительницей младших классов. О Мише известно только то, что отец девочки Холодковской (кажется, переводчик) ходатайствовал об устройстве его в суворовское училище. Сейчас мы живем на Алтае в д. Биново Сероконовского района. А наша мама, Галина Александровна Чернова, все так же преподает в школе. Пожалуйста, напечатайте письмо. Пусть те, кто знает хотя бы два слова о Мише Гришине, откликнется!

С. Чернов и Р. Подшивалова
(«Комсомольская правда»,
22 декабря 1974 г.)

P.S. Письмо подготовил к публикации стажер «Алого паруса» **Сергей Кушнерев**, будущий главный редактор телепрограммы «Жди меня» (1999 - 2014), создавший на ее основе уникальную систему поиска людей.

В «АЛОМ ПАРУСЕ» БЫЛИ СВОИ ХУДОЖНИКИ, ИЗ ТАЛАНТЛИВЫХ ШКОЛЬНИКОВ. ИХ РАБОТЫ ПУБЛИКОВАЛИСЬ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СОЗДАВАЛИ СВОЙ НЕПОВТОРИМЫЙ СТИЛЬ ПОЛОСЫ. ЗДЕСЬ РИСУНКИ ИЗВЕСТНОГО НЫНЕ КНИЖНОГО ИЛЛЮСТРАТОРА ЕВГЕНИИ ДВОСКИНОЙ (ВВЕРХУ) И ЕЛЕНЬ НЕДОШВИНОЙ, ТЕПЕРЬ ХУДОЖНИКА-КУКОЛЬНИКА (СПРАВА).

ВОПРОСЫ ВЗРОСЛОМУ ЧЕЛОВЕКУ «...И ДОБРЫЙ МИР ТВОИХ ЗАБОТ»

АНКЕТУ «АП» ЗАПОЛНЯЕТ БУЛАТ ОКУДЖАВА

Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся, какое новое сражение ни покочнуло б шар земной, я все равно паду на той, на той далекой, на Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной.

- Хорошо ли быть на кого-нибудь похожим?

- Самое замечательное - не быть похожим. Другими словами, самому стать личностью.

- А Вы в шестнадцать лет на кого-нибудь походить не хотели?

- Хотел - одновременно на очень многих, начиная с Чапаева и кончая Печориним. Это естественно - человек, вступая в жизнь, начинает с подражания.

- Что делать, когда не понимают родители?

- Прежде всего самому понять, почему это происходит.

- Родители - это Ваше поколение, Булат Шалвович. Чем, на Ваш взгляд, сегодняшние шестнадцатилетние отличаются от вас в этом возрасте?

- Многим. Мы были, так сказать, более «общественными» - больше ходили строем, вообще больше двигались, чаще пели маршевые песни, спорили... И - в этом было наше счастье - все это делали с радостью. Служение общественным интересам было для нас более потребностью, чем обязанностью. Однако сейчас наряду со всем положительным я вижу в нас тогдашних и некий перекосяк - например, в прямолинейности.

- Чего нельзя делать после шестнадцати?

- Нельзя строить свое благополучие на благополучии других. Впрочем, до шестнадцати этого нельзя делать тоже.

- А чем именно Вы восхищаетесь в сегодняшних ребятах?

- Нынешние в лучшей части своей более образованы, лучше информированы, отличаются неприязнью к шаблонам, что иногда, правда, шокирует окружающих. Однако не следует забывать, что время диктует свои законы и противопоставлять нас им - занятие бесполезное и несерьезное.

- Какие качества больше всего нужны современному человеку?

- Потребность самостоятельно мыслить, стремление к знаниям, уважение к окружающим и умение иронически относиться к собственным успехам.

- Вы, Булат Шалвович, сказали, что уход ребят от шаблонов не всегда бывает приятен нам, окружающим. Как быть?

- Прежде всего следует нам, взрослым, не считать самих себя эталоном, привыкнуть к мысли, что не все любимое нами должно обязательно нравиться молодым, не считать дурным все, что чуждо или непонятно нам. Короче, нужно быть терпеливыми, а не безразличными; великодушными, а не снисходительными; постоянными старшими друзьями молодежи, а не временными командирами. Некоторые думают: прочел пару нравочений - и все должны измениться... Предрасудок застарелый. Помню, я работал в областной молодежной газете как раз в то время, когда в моду вошли узкие брюки. Так мы бригадами ходили по городу ловить этих узкобрючников, стилия. Сейчас при воспоминании об этом у меня краска в лицо бросается, а тогда-то считал, что поступаю единственно правильно...

Беседа вел П. ГУТИОНОВ
(«Комсомольская правда»,
22 мая 1976 г.)

ХРОНИКА

Праздник на Ангаре

28 ноября 1961 года дала первый ток Братская гидроэлектростанция - Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Газета публикует рапорт ЦК ВЛКСМ и поздравление молодых гидростроителям.

(«Комсомольская правда»,
29 ноября 1961 г.)

Пути-дороги хлебные

Полевой стан третьей комсомольско-молодежной бригады. Выстроились готовые к уборке жатки, комбайны. Урожай пришел небывалый. Но он не застал колхозных комсомольцев врасплох. По предложению бригадира Евгения Шапохина к комбайнам в этом году будут прицеплять волокуши. Вот такую заботу проявляют комсомольцы села Семиарка о зернышках, которые только еще наливаются соками.

(«Комсомольская правда»,
11 августа 1960 г.)

Серебряные купола

Симферопольское общество любителей астрономии (СОЛА) только за 1957-й - Международный геофизический год - зарегистрировало по научным программам 24 тысячи метеоров, проведя за наблюдениями более двухсот ночей. Спектры метеоров, сфотографированные словцами, включены в мировой каталог. Нынешним летом в школьные каникулы здесь приступили к строительству в городском парке собственной обсерватории. Об этом сообщила из Крыма в своей первой публикации студентка МГУ Лидия Аксенова.

(«Комсомольская правда»,
20 сентября 1960 г.)

Экспедиция «Молодая гвардия»

О подвиге молодых солдат на реке Свирь близ города Лодейное Поле рассказывает очерк «Их было 12». Они добровольно вызвались форсировать реку 400 метров шириной и 5-7 метров глубиной, что позволило армии под командованием Мерецкова продолжить наступление. Все участники остались живы в том бою, получили звание Героя Советского Союза. Очерк стал первой публикацией «Комсомольской правды» в честь 30-летия Победы в рамках ее новой экспедиции «Молодая гвардия». В годы войны именно на страницах «Комсомолки» был опубликован одноименный роман Александра Фадеева, а в 50-е годы ее спецкоры опубликовали несколько документальных повестей на эту тему с новыми сведениями о краснодонской комсомольской организации. Цель экспедиции - собрать малоизвестные материалы и документы о ратных и трудовых подвигах молодежи в годы войны.

(«Комсомольская правда»,
3 января 1975 г.)

Педагогическая поэзия

Под таким заголовком опубликован в «Комсомольской правде» очерк Ольги Мариничевой. Челябинская школа Владимира Караковского - по имени-фамилии директора - провела операцию «Радость людям». Секретарь комитета комсомола Саша Мещерский нажимает кнопку, и на всех этажах загораются красные лампы: сигнал общешкольного сбора, живущего по законам «Орленка». Лампы связи стали той точкой опоры, с помощью которой удалось перевернуть весь школьный мир.

(«Комсомольская правда»,
16 мая 1976 г.)

Планета-75: ее мечты, ее заботы

Репортажи из 14 стран мира ведут собственные корреспонденты «Комсомольской правды». На проезде Берлин, Бонн, Гавана, Ханой, Алжир, Лима, Токио, Варшава, Токио...

Передаст А. Манаков из Нью-Йорка. «В Американском городе Филадельфия состоялся III национальный съезд Союза молодых рабочих за освобождение. Председатель СМРО Джеймс Стил рассказал о планах организации на 1975 год.

- Для нашей организации марксистско-ленинского отряда американской молодежи начинающийся год, каждый его день и час будут наполнены активной борьбой за улучшение положения трудящихся, за укрепление процесса мирного сосуществования, разрядки напряженности. В своей деятельности СМРО всегда чувствует поддержку братских союзов социалистических стран и в первую очередь Ленинского комсомола.

(«Комсомольская правда»,
1 января 1975 г.)

«Солнышко» возшло в Нидерландах

Собкор по Грузии Татьяна Чантурия рассказывает о необычном ансамбле - «Мзиури» тбилиского Дворца пионеров. Девочки от 6 до 14 лет играют почти на всех музыкальных инструментах - флейте, гитаре, ударных, поют и танцуют. В их репертуаре 60 песен - грузинские, русские, английские, французские... Недавно девочки вернулись из зарубежной поездки - в Нидерланды.

(«Комсомольская правда»,
5 января 1975 г.)

P. S. В «Мзиури» начала свой творческий путь народная артистка РФ и Грузии, лауреат премии Ленинского комсомола Тамара Гвердцители.

БАМ ждет лучших

По решению ЦК ВЛКСМ 300 лучших учащихся профтехучилищ из 25 областей, краев и автономных республик РСФСР приглашены в Москву. Им будут вручены путевки на строительство Байкало-Амурской магистрали.

(«Комсомольская правда»,
5 января 1975 г.)

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ОБ «АЛОМ ПАРУСЕ» И ТОМ ДАЛЕКОМ ПЛАВАНИИ

- Однако как изменился смысл многих тех слов, которые были нашей иконой. Например, слово «газета». Сейчас это просто коммерческий инструмент, который на какой-то момент может превратиться и в политический, если захочет. Но тот холодноватый и металлический привкус свежих гранок, запах тамбура в железнодорожном вагоне, когда возвращаешься из командировки, ощущение тайны, которой владеют немногие... Это странное чувство палубы корабля, когда идешь по бесконечному коридору редакции, - невосстановимо. Газета была вездесуща, всемогуща, она возвышалась, как столп над ровным и скучным пространством жизни. Теперь, увы, этого нет и в помине.

Или, например, затертое слово «подросток», из педагогическо-миллиейской практики, связанное с чем-то неприятно-физиологическим, вдруг стало в 60 - 80-е синонимом чуть ли не революции. Ну, понятное дело, маленькой, домашней и уютной, - но все же революции! Были мешки

писем, стоявшие в редакционной комнате. И вдруг какое-нибудь коряво написанное послание от мальчика из маленького городка задевало чувства миллионов и превращалось в манифест. Было ощущение, что все эти малосерьезные проблемы растущего человека - от длинных волос до раннего секса - чудовищно важны.

Возможно, эту атмосферу рождали люди, работавшие в «АП». Градус иронии, свободы, страсти, дружбы, который царил в том нашем кабинете, куда приходили каждый день просто так и по делу десятки людей разного возраста (это была самая многолюдная комната в редакции), поддерживался как-то сам собой.

«Парус» боролся за то, чтобы взрослые, важные люди услышали голоса только вышедших из детства граждан, и чтобы их права в обществе признавались и защищались законодательно. Например, множество статей было посвящено тому, чтобы школьникам можно было летом подработать карманных денег. Государство в

отличие от «АП» придерживалось такой позиции: работать летом надо, но лучше бесплатно и в коллективе. Почтальоном 15-летнего парня не оформят. А вот сбор картошки, хлопка, фруктов и овощей - это пожалуйста. «АП» сражался с бесконечными административными циркулярами, попиравшими достоинство хоть и юной, но личности...

А потом мир перевернулся. Теперь вполне еще молодые люди отстаивают якобы взрослые, традиционные ценности государства, религии, нравственности. Но для них эти ценности - не более чем боевое знамя над пиратским кораблем. Главное - кого-то победить. Иногда хочется крикнуть нынешним молодым: ребята, что ж вы так не любите, ведь это мы боролись за ваше право быть вот такими - свободными, независимыми, ярко окрашенными, до зубов вооруженными своей субкультурой. Но они, конечно, не услышат.

Борис МИНАЕВ.

- Удивительно, как в несвободной журналистике появился этот остров свободы, эта повышенная чувствительность к чести. Или - неудивительно? А еще удивительно, как быстро они стали воспоминанием в совершенно новой стране...

Когда я пришла в «Комсомолку», в «АП» уже сотрудником, после университета, мне сразу поручили обзвонить соборов, дать задание рассказать о детских праздниках. На мое удивление, почти все отнеслись к заданию с серьезностью и выполнили в срок. Сегодня все они - руководители и воротилы медийного бизнеса. Как почти все известные журналисты - вне зависимости от политических и стилистических предпочтений - ученики той нашей «Комсомолки», путившей в плавание тот удивительный корабль.

Надежда АЖГИХИНА.

ЖУРНАЛИСТ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

ОФИЦИАНТ

...Максимов строг был всегда и со всеми. Я приглядывался к нему с первого дня моей службы в «Неве». И по всему выходило, что он не для «официантского» цеха. Не хамил, но общался подчас с матерком. Не выговаривал, не поднимал «рабочий настрой», но взаправду считал нас недотепами. Я все гадал, кто и как он тут? Погорелец с партийной работы? Отставной полковник? Генерал? Прогнанный директор соседнего предприятия? Спрашивать было неудобно, да и не принято это в ресторанный среде. Поменьше администратору зала надо попадаться на глаза - вот правильное поведение. Я так и поступал, не дергался. Максимов, натурально, меня и не выделял. Прихожу вовремя, стекло (посуду) протираю, без скандалов, без обчетов, и то хорошо.

Чем измерить услуги? И легко ли это - так работать? Зарубежные специалисты посчитали и обнаружили, что самый тяжелый труд у горняков, следом за ними идут как раз официанты, а уж потом металлурги, станочники, строители. Как вы полагаете, сколько километров за смену вышагивает официант? Чуть ли не сорок. А сколько переносит за то же время груза? До двух с половиной тонн.

Однажды каким-то образом (очередь в «Неву» была дикая) за моим столом оказались молодые ребята. Мне, корреспонденту «Комсомолки», ничего не стоило определить, что это комсомольские работники. По каким-то намекам я понял, что они в Ленинграде были на совещании и вот решили отметить его завершение. Честно сказать, я им в эту минуту позавидовал. Красивые ребята, чудесные девушки, какой-то возвышенный, горячий разговор. Мои ровесники, а я - как для мебели: принеси, поставь, два салата, две селедки, мясная нарезка, на горячее

котлета по-киевски, компот. «Портвейн есть?» - «Три семерки» - «Пойдет». Вот и все обшение.

Два парня, две девушки. «Бам». «Ударная стройка», «Тяжелынки», «стройотряд»... Это все, что я мог уловить, крутясь у стола. Жизнь, хоть и временно, пронеслась мимо. В конце вечера комсомолы потребовали жалобную книгу. Я не просто удивился, я остолбенел. Ну не за что! Потом успокоился: хороший эпизод для газетного материала, чтобы выяснить, за что пишут жалобы, когда нет повода для недовольства. Я мрачно кивнул комсомольцам и побрел к Максиму.

- Требуешь жалобную книгу... - промямлил я.

- Неси им коньяк, шампанское, что хочешь, но чтобы жалобы не было. - Кое-какие выражения (для связки слов) я опускаю. Максимов гневался не на шутку. (Надо пояснить: из-за одной жалобы вся наша смена - повара, администраторы, официанты лишались месячной премии...)

От коньяка, конфет, шампанского юные строители коммунизма с негодованием отказались. Пришлось тащить «Книгу жалоб и предложений». Я сказал гостям «физкультпривет!» и пошел знакомить Максимова с текстом. Суровый администратор читал меморандум неспешно. Оглядел официантскую бригаду, вздохнул:

- Я тебе, москвич, дал не ту «Жалобную книгу». И тем не менее... Читаю для всех: «Спасибо за великолепное обслуживание. Всем официантам Советского Союза надо брать пример с Виталия Игнатенко. Подписи» Что стали? Идите работайте...

Виталий ИГНАТЕНКО.
Ленинград.
(«Комсомольская правда»,
21 июня 1973 года).

P.S. Очерк молодого корреспондента «Комсомолки» Виталия Игнатенко «Официант» открыл популярную потом рубрику «Журналист меняет профессию». Сам Виталий побывал в 60-70-е годы в роли и палубного матроса, и преподавателя профтехучилища, и абитуриента театрального вуза. А его «Официанта» вспоминают до сих пор, он стал хрестоматийным.

Но в этой истории оказался и еще один пласт, который можно назвать подарком судьбы для журналиста. Администратор зала Михаил Александрович Максимов оказался автором одной из самых задумчивых песен Великой Отечественной - «Синий платочек». Эту песню с еще довоенными словами привезла в апреле 1942 года на Волховский фронт знаменитая Клавдия Шульженко. На ее концерте присутствовал лейтенант Михаил Максимов, корреспондент газеты 54-й армии «В решительный бой!». Когда певица узнала, что он пишет и стихи, она попросила его сочинить новый текст к песне - «поблизже к солдатскому сердцу». За два вечера Максимов написал свой вариант «Синего платочка», который сразу понравился Клавдии Шульженко: «Строчит пулеметчик за синим платочек, что был на плечах дорогах». Обновленная песня зазвучала по радио, с грампластинки, с экрана. Ее запела вся тосковавшая по любви и нежности страна. Но поэта Михаила Максимова почти на 30 лет забыли. «Комсомольская правда» пером Виталия Игнатенко помогла вернуть долг.

«Сорок градусов». Так символично назвал фотокор «Комсомольской правды» Юрий Феклистов свой снимок из Иркутска 1986 года, где в мороз мужики брали штурмом вино-водочную палатку. Наступила пора тотального, глухого дефицита, товары не то что «доставали», как еще недавно, а добывали с боем - осадой, кулаками, аферами. В прямом смысле лезли по головам...

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ

Жили у бабуси колхозные гуси

Жили у бабуси два веселые гуся - помни старую песенку? Она была бы актуальна и сегодня, но нашли люди, которые подумали: а почему, собственно, два? Нам что, гусятина не нужна? Если бабусе трудно держать больше, давайте ей поможем! И тогда...

И тогда, когда стали действительно помогать, за гусей взялись уже не только бабуси. Потому что дело оказалось выгодное. За два с небольшим месяца люди вырастили 12 тысяч гусей, из которых 8,4 тысячи сдали в колхоз, остальных же взяли себе.

Эти люди - и бабуси, и молодежь - жители села Белолесье Татарбунарского района

Одесской области, в котором находится колхоз имени Кутузова. Все двести семьдесят сельских хозяйств, которые в прошлом году принялись откармливать гусей (каждый третий колхозный двор), заключили с колхозом типовые договоры. Бланк договора отпечатан типографским способом, и печатные строки, помимо чисто деловой информации, содержат такой положительный заряд, что не цитировать - грех. Сверху крупно: «Обязательство по выращиванию гусей в приусадебном хозяйстве на основе взаимовыгодного кооперирования»...

Значит ли это, что колхоз имени Кутузова решил отказаться от индустриаль-

ного пути развития птицеводства? Такое предположение легче всего опровергнуть три цифрами: в 1978 году колхоз произвел 103 тонны птичьего мяса, в 1979-м - 376 тонн, а в 1980-м запланировал произвести 472. Как видим, конем, везущим телегу хозяйства, остается общественный сектор. Но то, что пятую часть птицы колхоз гарантированно рассчитывает получить в усадьбах своих жителей, доказывает: «трепетная лань» индустриала у них - в той же телеге!

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО, наш спецкор
(«Комсомольская правда»,
16 февраля 1980 г.).

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА ИЗ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Ту небольшую статью об одном из тогдашних экономических экспериментов, по сути, очень локальном применении венгерского опыта, когда в одном из колхозов общественную птицу на договорных началах раздали по личным дворам, я назвал ириво: «Жили у бабуси колхозные гуси». Но после ее выхода в свет стало не до шуток. Сочувственно округляя глаза, мне сообщили, что в папке с надписью «Радиоперехват» на столе у главного редактора лежит отклик на мой опус. Какая-то радиостанция - вражий голос! - сообщила, что в канун 50-летия колхозного строя центральная молодежная газета Советского Союза «со свойственным ей идиотическим оптимизмом» (этот оборот сочувствовавшие мне передали точно) рассказывает, как выгодно и рентабельно от этого строя отказаться.

Я был опечален. И по поводу «идиотического оптимизма», и еще больше тем, что вылил воду на мельницу врага. Но на удивление все обошлось, и я вскоре забыл и про заметку, и про вражье радио. А девять месяцев спустя (аккурат срок беременности) в редакцию позвонил Леонид Ильич Брежнев. Лично! Похвалил заметку про гусей и посоветовал не оставлять это интересное начинание. Шел разговор по вертушке, слушал генсека

наш зам. главного редактора (главный был в отпуске) Иван Иванович Жуков, немало от звонка ошалевший.

Добавлю лишь, что соответствующие рубрики «Хозяйство личное - польза общая», «Подворье - подспорье» и т. п. газета вела до самой физической смерти позвонившего. А что предшествовало звонку, мы узнали довольно подробно. Брежнев, отдыхая тем летом в Крыму, принял среди прочих одесского секретаря обкома, похваставшегося удачной трансплантацией венгерского опыта и подsunувшего вырезку из нашей газеты.

После я узнал, как чуть не стал эксперимент концом карьеры для начавшего его председателя. Мяса стало больше, себестоимость снизилась, колхозники зарабатывали хорошо. Вот это последнее и оказалось криминалом. В какую клетку можно было внести эти заработки? В клетку фонда зарплат, самую незлыблему твердую социалистической экономики? Туда заработки, подвинувшие колхозников на рывок, никак не помещались. Не придумав лучшего, председатель провел оплату по статье «прочие расходы». Сел бы непременно, если бы в области не знали про брежневский звонок в газету...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛЕМИКИ

ДИТЯ-ЗЛОДЕЙ: штрихи к портрету

Поэтическая дуэль, случившаяся осенью 1974-го, с секундантом из XXI века

По поводу морального облика молодого человека спорят всегда, во все эпохи. И эта публикация - тому еще одно подтверждение. Началась пикировка, как ни странно, в журнале «Крокодил», где большие советские поэты печатались нечасто. Но тут как раз тот самый случай: в сентябрьском номере главного сатирического журнала за 1974 год (№ 27) появилось такое стихотворение советского классика.

ДИТЯ-ЗЛОДЕЙ

Дитя-злодей встает в шесть тридцать, Литой атлет, Спеша прыгнуть и побриться И съест омлет. Висят в квартире фотофрески Среди икон: Иисус Христос в бродвейской пьеске, Алан Делон. На полке рядом с шведской стенкой Ремарк, Саган, Брошюрка с йоговской системкой И хор цыган.

Дитя-злодей влезает в «троллик», Всех раскидав, Одновременно сам и кролик, И сам удав. И на лице его бесстрастно Легко прочтешь: «Троллейбус - временный мой транспорт, - Прошу учесть». Вот подбегает он к ИНЯЗу Или к МИМО, Лицом скромнеет он, и сразу - Чутье само. Он слышит чей-то голос слабый: «Вольтер... Дидро...» А в мыслях - как бы тихой сапой Пролететь в Бюро. В глазах виденья, но не бога: Стриптиз и бар, Нью-Йорк, Париж И даже Того и Занзибар. Его зовет сильней, чем лозунг И чем плакат, Вперед и выше - бесполосный Сертификат. В свой электронный узкий лобик Дитя-злодей Укладывает, будто в гробик, Живых людей. И он идет к своей свободе, Сей сукин сын, Сквозь все и всех, Сквозь «everybody», Сквозь «everything».

Он переступит современно В свой звездный час Лихой походкой супермена И через нас. На нем техасы из Техаса, Кольцо из Брно. Есть у него в Ильинке хаза, А в ней вино; И там, в постели милой шлюшки, Дитя-злодей Пока играет в погремушки Ее грудей...

Евгений ЕВТУШЕНКО.

«Дитя-злодей».

P.S. Ну и где он сегодня, дитя-злодей? Кем стал? И как выглядит на фоне представителей нынешней золотой молодежи? Комментарий писателя Юрия ПОЛЯКОВА, лауреата премии Ленинского комсомола, автора повести «ЧП районного масштаба».

Давняя эта полемика отражает тогдашнюю нашу реальность. Расслоение советского общества не было секретом, а ориентация золотой молодежи на закордонные материальные и духовные ценности многих раздражала. До сих пор помню популярную телевизионную пародию тех лет на стильку:

- На восток езжай, сынок! - Предлагает папа.

- Не хочу я на восток, Я хочу на Запад!

Ясно, что нарастающая кастовость верхнего слоя, особенно связанного с зарубежными делами, беспокоила власть. Все понимали, что стремление «детей-злодеев» пролезть в Бюро, чтобы потом получить работу за рубежом и обеспечить себя «бесполосными сертификатами» - вещь не безобидная. Для того и создавались рабфаки при престижных вузах, проводились специальные наборы в МГИМО «от станка и сохи». Давались рекомендации для поступления в труднодоступные вузы от комсомола. Но, увы, даже всеисильный Сталин в отчаянии повторял: «Проклятая каста...»

Евгений Евтушенко, обладавший фантастическим чутьем на конъюнктурное свободомыслие и правдолюбие, такой острой темой просто не мог не воспользоваться. И сделал это талантливо. Не знаю уж, кто писал «лирику-сатирику» рифмованный ответ, в чем-то искренний и справедливый, но, как говорится, «поэзия там и не ночевала», а у Евтушенко еще как ночевала:

А ответ на это стихотворение вскорее появился в «Комсомольской правде». Что характерно, он не имел авторской подписи, подразумевалось, что это плод труда коллективного. Вот он.

ЛИРИКУ-САТИРИКУ

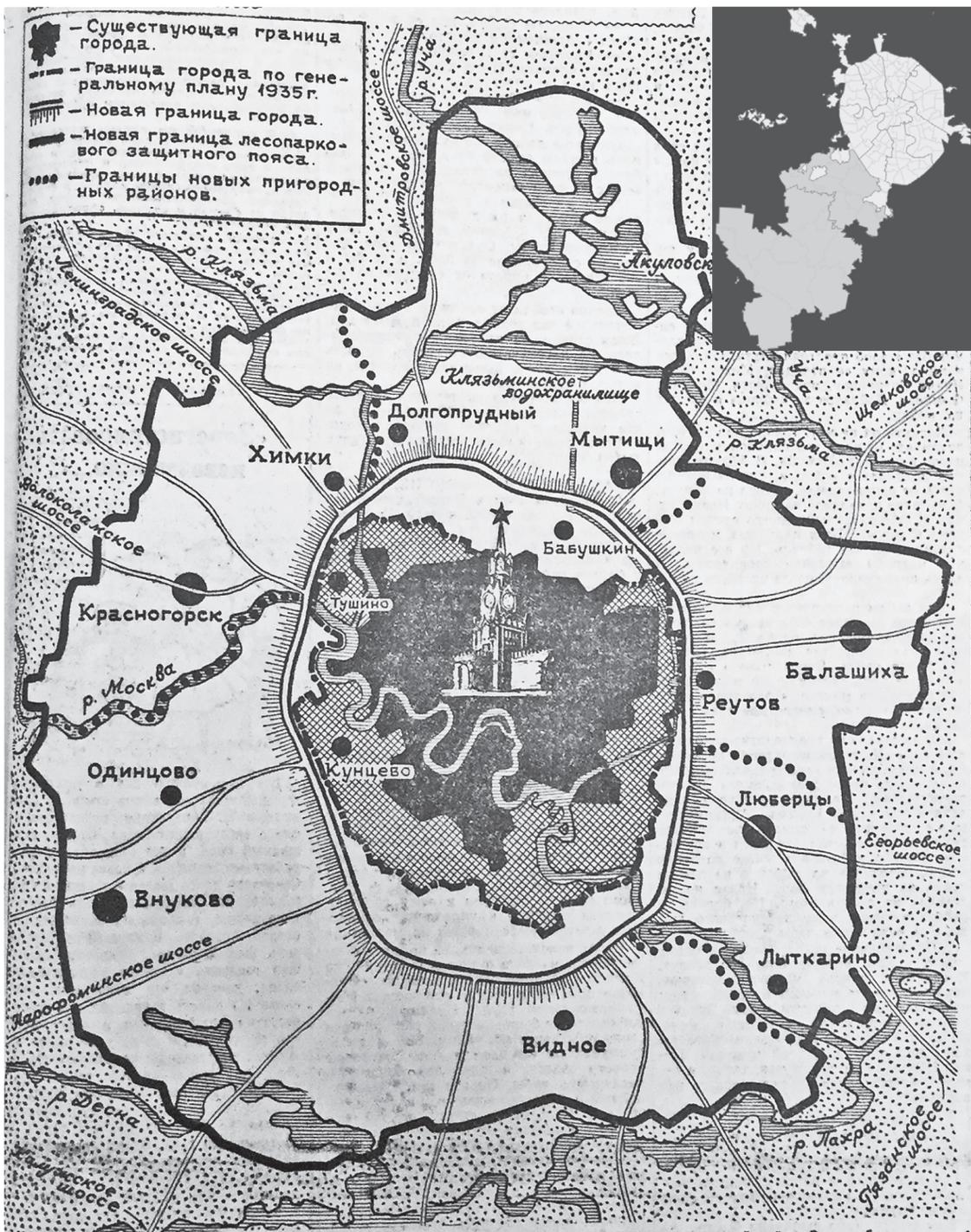
Позвольте мне к Вам обратиться, Мон шер Эжен! Ведь это я встаю в шесть тридцать, Ваш «протез», Омлет съедаю, чисто бреюсь, (Пух на губе). Сажусь в голубенький троллейбус Под буквой «Б». Прижавшись к кассе, я читаю (Вольтер, Дидро). Меня толкают, я толкаю, Что ж - не метро. В соседку вперившись глазами - В который раз! Схожу на Крымской. Кто-то с нами, а кто в Иняз. Нас мучают порой виденья - Не Рим, не Брно. Сильна программа обучения - В глазах программа. А в «звездный час» мы в комитете. Забот не счесть. И отдых разве что в буфете, Коль деньги есть. Идет уже почти полгода (Театр у нас) «Под кожей статуи Свободы» В свободный час. Я ежегодно в стройотрядах Кладу кирпич. Я - плотник высшего разряда, Студент-москвич. Нет у меня отдельной «хазы» И «шлюшки» нет... А что «техасы»? Так в «техасах» - Любый поэт. Мне чужды и Христос бродвейский, И диссидент. Я - гражданин Страны Советской, Её студент. И, в общем, мы давно не дети, Нам ясен путь. Себя мы чувствуем в ответе За жизни суть. За землю, за судьбу эпохи И за стихи, Которые порой неплохи, Порой плохи. Мы молоды, но в чувствах строги. Иной поэт Не ведает пути-дороги И в сорок лет. В поездках частых за границу Под крик «виват!» И лире может полюбиться Сертификат. Ну, я кончаю. Завтра снова Мне в институт. И в комитете комсомола Дела не ждут. Вы приезжайте, посмотрите... Познайте нас, Быть может, больше разглядите (Высок Парнас). Мне очень жаль, Вы обогнали Своих друзей. Я грубоват? Чего ж Вы ждали?

В свой электронный узкий лобик Дитя-злодей Укладывает, словно в гробик, Живых людей...

Конечно, нам, глядя из современной России, оценивать тот спор несколько диковато. Во-первых, мы знаем, чем все закончилось и что правительство молодых реформаторов во главе с Гайдаром состояло как раз из таких вот «детей-злодеев». Они своим инфантилизмом при попустительстве пыющего дядьки Ельцина едва не погубили страну. Во-вторых, прикрасы советской золотой молодежи в сравнении с нравами нынешних мажоров - это как помет канарек по сравнению с фекальным бомбометанием птеродактилей. В-третьих, известна и судьба самого Евгения Евтушенко, уехавшего из Отечества, взбаламученного не без его участия, в Америку, прожившего в Штатах почти тридцать лет и там же и умершего. Ей-богу, если бы я написал поэму «Под кожей статуи Свободы», я в США не то что на ПМЖ не поехал бы, я на похороны родной бабушки туда посоветился бы лететь. Впрочем, обе мои бабушки скончались на Родине...

А как все-таки лихо написано, в том числе и о нынешних отпрысках наших ошалевших от безнаказанности нуворишей!

И там, в постели милой шлюшки, Дитя-злодей Пока играет в погремушки Ее ердуй...

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕ БОЛЬШАЯ МОСКВА

Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ о расширении городской черты, изменении административно-территориального деления города Москвы и передаче в административно-хозяйственное подчинение городскому Совету депутатов трудящихся территории лесопаркового защитного пояса.

Представьте, что через двадцать лет вам удалось подняться высоко в московское небо. Перед вами - величественная панорама красивейшего города, равного которому не бывало на земле. Граница города - узкая ленточка кольцевой автомобильной дороги протяженностью более ста километров - опоясывает огромную территорию Москвы площадью 87 тысяч гектаров. Сверху хорошо видны кварталы и прямоугольники жилых массивов, парки и водоемы, густая сеть радиальных и кольцевых магистралей. Слово гигантский обруч опоясывает город зеленое кольцо лесозащитного пояса. Его площадь - около 180 тысяч гектаров!

Да, таким, одним из самых красивых и благоустроенных городов в мире, наша Москва станет уже в недалеком будущем.

В зарубежных городах-великанах, население которых перешагнуло за 10 миллионов человек, - Нью-Йорке, Лондоне - жить очень тяжело. Эти города крайне перегружены промышленностью, транспортом. В Москве заводы и фабрики, не связанные с обслуживанием населения, уже не строятся. Во вновь создаваемые города-спутники, а также в существующие города пригородной зоны, которые превратятся в спутники Москвы, намечено перевести ряд предприятий и научных учреждений. Все это поможет рассредоточить, а также стабилизировать численность населения Москвы с учетом, конечно, естественного прироста. В дальнейшем норма жилой площади составит 15 квадратных метров на человека. Поэтому-то и возникла необходимость в значительном расширении городской территории.

В новую городскую черту войдут теперь такие города, как Перово, Бабушкино, Кунцево, Тушино, Люблино. Одновременно с этим в подчинение Мосгорисполкома передается лесопарковый защитный пояс с городами Мытищи, Люберцы, Балашиха, Красногорск. «Подкова» Москва-реки с Лужниками, университетом на Ленинских горах, территория будущего Пантеона (ныне Парк Победы - Ред.) и Дворца Советов войдут в Ленинский район. Здесь создается новый административный центр столицы с главными магистралями - проспектами Вернадского и Мичурина.

Указ о расширении границ столицы выдвигает огромные задачи перед теми, кто будет проектировать и строить Большую Москву. Ведь впервые в мировой градостроительной практике предстоит решить такие сложные проблемы.

(«Комсомольская правда», 19 августа 1960 г.)

Собака как государство

Почему эта история о верности не забыта и через 40 лет

Ну да! Она охраняет дом, защищает хозяина, хранит верность. У нее и конституция поведения есть, неизменная и выполняемая. Собаке как государству все равно, какой веры человек, богат он или беден, знаменит или безвестен. Она друг человеку и не нападает на него, если не бешеная.

Пожоже, пожоже на идеальное, то есть нормальное, государство. А нашему уступает. В цинизме, вероломстве и способности быстро и выгодно приспособиться к новому хозяину. Что подлаещая - животное все-таки. Бескорыстно привязывается. И навсегда.

Уже сорок с лишним лет назад, осенью 74-го года, некий человек покинул на взлетном поле Внуковского аэропорта товарища (овчарку)... И улетел.

А она осталась ждать.

Два года зимой и летом, и в дождь подходила она к трапу прилетающих самолетов Ил-18, на котором убил ее подданный, и встречала его.

Она соблюдала нравственный закон, хотя человек его нарушил. Не важно. Это был ее закон.

Я написал об этой истории в той еще «Комсомолке». И миллионы читателей у нас и в мире всплакнули над судьбой Пальмы (как ее звали аэродромные работники и пилоты), и тысячи прислали деньги на поддержание жизни собаки, и тысячи хотели улучшить судьбу овчарки, враз ставшей мировой знаменитостью. Очень хотелось присоединиться к истории чужой любви и верности. Похвально.

Между тем эти тьмы сочувствующих драматической жизни и желающих принять в ней немедленное участие могли бы удовлетворить свой гуманизм, обратив взор на жизнь тех, кто окружает их повседневно и нуждается в помощи.

Но там необходимо было поведение, а они готовы были лишь к поступку.

Вскрикнуть-то мы всегда в состоянии. Вскрикнуть и затихнуть до следующей остановки. Не готовы к проявлению чувств на протяжении всего пути.

Посмотрите на собаку, на животное, исполненное достоинства, постоянства и верности. Этому государству с умными глазами мы нужны. А тому, с холодными, зачем? Пальма ждет на аэродроме, а мы бросили ее и боимся вернуться. Вернись, вернись, гражданин, в свою страну - она нуждается в тебе! Не бросай ее на произвол.

Вы, что так переживали, сострадали и надеялись, остановите тех с петлями, крючками и клетками. Пока можно. Найдите, как нашлись Вера Котляревская, терпением и любовью завоевавшая доверие овчарки, аэродромные техники и пилоты, спасшие сорок лет назад собаку - как государство.

Ей-богу, между государством и собакой есть общее: охранять дом, защищать хозяина и не воровать со стола.

Юрий РОСТ.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ

ЗА ГОД ДО ПОЖАРА

Строители не помнят драмы, равной той, которая разыгралась на Всесоюзной ударной комсомольской стройке - Бухарском хлопчатобумажном комбинате (ХБК), куда входила прядильно-ткацкая фабрика. За 40 минут пожара произошло обрушение металлических конструкций на площади свыше 44 тысяч квадратных метров, уничтожены цеха, технологическое оборудование, готовое к пуску первой очереди фабрики. Сотни рабочих, бессильных что-либо предпринять, стали свидетелями того, как огонь пожрал результаты их долгого, напряженного труда. Только одно обстоятельство, связанное с беспрецедентным пожаром, можно считать сегодня счастливым: человеческих жертв не было. Был перерыв...

Происшествие под Бухарой - финал сложной истории. У меня были копии документов, которые с научной достоверностью еще год-два назад предполагали вероятность печального события, ставшего реальным фактом.

Апрель 1972 г. Дирекции строящегося ХБК предложено добиться включения в пусковой минимум пожарного депо. Июнь 1972 г. Проводится очередное обследование объекта. Неполноты те же. Как горы. Требования иметь автономную пожарную команду, свое депо. Депо перетаскивали из проекта в проект как эскибрис заказчика.

Сентябрь 1972 г. Никаких сдвигов. Теперь уже МВД УзССР обращается к министру строительства УзССР. К перечню противопожарных мероприятий добавляются новые: на стройке отсутствуют водоснабжение, спринклерная система тушения, здесь нет даже прямой телефонной связи с бухарским отделением пожарной охраны.

Ноябрь 1972 г. Работники УВД Бухары предлагают дирекции строящегося ХБК самим назвать реальные сроки выполнения необходимых работ.

Декабрь 1972 г. На расширенном совещании в Бухарском обкоме партии снова делается вывод: реальных сдвигов нет, руководители строительства легко игнорировали и собственные сроки.

До самого дня пожара - приказы, письма, штрафы, уговоры... Находились защитники, тянулись к персональным телефонам. Говорилось о высоких государственных интересах, сроках ввода фабрики в строй и т. д. На день пожара из 47 пунктов требований, содержащихся в документах, согласованных на всех уровнях, выполненными оказались лишь 12. Чем это объяснить?

В настоящее время сложилось такое положение, когда утверждает и издает строительные нормы и правила (СНиП), содержащие противопожарные требования, Госстрой СССР, не считаясь при этом с мнением МВД СССР. Единственным мотивом каждый раз выдвигаются лишь соображения снижения стоимости строительства, а также время. Условия безопасности людей и производства во внимание зачастую не принимаются.

Да, две причины - местная должностная безответственность и бесшабашность в поисках экономии строительства - сыграли роль бикфордова шнура. Объект с ослепительным блеском превратился в пепел.

Сэкономили!

Г. БОЧАРОВ
(«Комсомольская правда», 3 марта 1974 г.)

ГАЗЕТА ВЫСТУПИЛА. ЧТО СДЕЛАНО?

ПОБЕДА НАД ЦЕНЗОРОМ

После публикации критического материала согласно советской традиции читатель вправе был ожидать сообщения: какие меры приняты, кто наказан, что изменилось и т. д. Как и руководство «КП», так и автор с тревогой ожидали реакцию властей на «пожар». Шли дни, шли письма читателей. Молчали только инстанции. Это усиливало тревогу. Было, конечно, ясно, что в бухарской катастрофе были повинны как чиновники средней руки, так и высокого ранга. И очень высокого - до руководства республики. Ее первого руководителя - члена Политбюро ЦК КПСС. Особое значение имел статус объекта - Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

Через полтора месяца после публикации, когда напряжение спало, власти отозвались. И отозвались беспрецедентным образом. А именно: Госстрой СССР, Госстандарт СССР, другие ведомства приняли важнейшее для строительной индустрии страны решение: изменили стандарты! Те самые злополучные СНиПы, в которых безопасность людей игнорировалась. Это была принципиальная победа «Комсомолки».

Официальные ответы ведомств газета разместила на самом видном месте. Сообщение о наказании тех или иных лиц уже не имело никакого значения, хотя газета сообщила, конечно, и об этом.

Добавлю памятный факт. Для того чтобы этот материал был опубликован, следовало иметь визу официального лица. Члена ЦК КПСС как минимум. Я его определил: министр МВД СССР Н. А. Щёлоков - его ведомство в этой истории выглядело вполне позитивно.

4 декабря 1973 года у меня были оговорены две встречи. Первая: в 11 часов утра с маршалом Советского Союза А. М. Василевским на его подмосковной даче. (По другому, разумеется, поводу.) А в 5 часов вечера в этот же день - с министром Щёлоковым - с просьбой о визе.

Разговор с маршалом закончился в 14 часов. При прощании я получил замечательный подарок: авторский экземпляр его знаменитой книги «Дело всей жизни». С дарственной, конечно, надписью. Листая по дороге с его дачи в Москву книгу, я увидел в ней сразившую меня фотографию: по широкой мраморной лестнице спускались трое: маршал Василевский, командарм Буденный и... министр Щёлоков (назначенный недавно).

В кабинете министра я немедленно раскрыл страницу книги именно с этой фотографией. Лицо Николая Анисимовича просияло.

Виза поставлена, я поднимаюсь из-за министерского стола. Протягиваю руку за книгой, но слышу: «Пришел с книгой, уйдешь без нее». Прошу вернуть книгу на секунду. Раскрываю титульный лист. Показываю теплую дарственную надпись (тушью). Щёлоков щелкает пальцами, улыбается: «Прав!» Вызывает своего зама - Б. Г. Шумилина. Говорит, кивая на книгу: «Завтра утром 20 экземпляров!» «Понял», - отвечает Шумилин.

Это был первый и уникальный случай столь легкой победы над цензором Главлита.

Геннадий БОЧАРОВ.

(«Два года ждет». «Комсомольская правда», 19 сентября 1976 г.)

ДВА ПОЛЮСА ЖИЗНИ

Николай Дубинин был четвертым ребенком из шести в семье морского минера. Осенью 1918-го отец погиб. Семья переехала в родное Спасское на Волге. Но тут пришел страшный голод. Ребятишки разбежались по стране в поисках хлеба. Коля с приятелем добрался до Москвы.

Так что первая его «профессия» - беспризорник. На первомайской демонстрации 1919 года он оказался на Красной площади рядом с Лениным. Всем теперь известен этот снимок, вокруг которого шло много споров. Даже к криминалистам обращались, и те подтвердили: академик Дубинин и мальчик на фото - один и тот же человек.

Положительную роль сыграл комсомол - именно по его путевкам талантливые ребята направлялись в вузы. Так 16-летний Коля Дубинин оказался в стенах МГУ. «Придя из университета, я раздвинул и начал работать - читать и писать до глубокой ночи, и так каждый день. Вначале это было необходимо, потом стало потребностью на всю жизнь... Уже в самом начале научных занятий мне пришлось столкнуться с необходимостью читать литературу на английском языке. Сидел со словарем над каждой научной заметкой. Поставил перед собой цель самому из первоисточников знать все, что делается в изучаемой науке за рубежом. И добился своего»...

Ученые Страны Советов окружены в те годы вниманием и почетом. Каждый гражданин знает великого Павлова. Молодежь увлекает идея Циолковского о космических полетах. Чандер призывает лететь на Марс. Самолетами и планерами бредят пионеры. Страна романтиков, страна героев. И среди них, как ни странно, генетики.

За пять лет после учебы Дубинин опубликовал 14 статей в советских и 6 в английских и немецких журналах. В них утверждалось существование в гене определенных частей, названных центрами. Существенным было открытие, что «центры» располагаются вдоль по гену в линейном порядке. В январе 1929 года он выступает на 1-м Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству в Ленинграде - в одном ряду с Николаем Вавиловым, другими выдающимися учеными. Позже Дубинин назовет это время «мои золотые годы». На Смоленском

бульваре в Москве им создана новая лаборатория - для генетического исследования явлений эволюции. Эта удивительная лаборатория из двух штатных сотрудников и из 12 добровольцев вся была молодежной, каждому в ней меньше 25 лет. Весной 1932 года великий Николай Кольцов пригласил Дубинина к себе в институт экспериментальной биологии на должность заведующего отделом генетики.

На научной конференции в Одессе он вскоре познакомился с молодым агрономом Лысенко, который уже был достаточно известен, так как предложил яровизиацию семян. Этот агроприем представлялся новацией в сельском хозяйстве. Лысенко не признавал теорию гена, считал, что гена вообще не существует. Никто тогда не придавал особого значения его словам. Даже сам Вавилов считал, что «ученый из народных глубин» нуждается в поддержке. Николай Иванович не подозревал, сколь трагическую роль сыграет в его судьбе этот «народный ученый», из-за которого он оказался в сталинских застенках.

Но до арестов еще было далеко. И генетика в нашей стране бурно развивалась. Одно из открытий, сделанных в отделе генетики, в 1935 году было названо эффектом Дубинина и принесло молодому ученому всемирную славу. 9 апреля 1936 года газета «Вечерняя Москва» под рубрикой «Их знает весь мир» рассказала о выдающихся деятелях - воспитанниках комсомола. Отметив, что 29-летний Дубинин создал гипотетическую модель плана гена (основная единица наследственности) и что в своей области он не имеет впереди себя ни одного буржуазного специалиста, газета общается также, что в багаже молодого ученого 60 научных работ, 80 научных брошюр и статей, престижная рокфеллеровская премия.

В 30-е мир науки, как и все общество, раскололся надвое. С одной стороны - глубокий теоретик и организатор науки Николай Вавилов и его ученики. По другую сторону - группа агронома Трофима Лысенко, которая начала рваться к вершинам научного союбия.

Группа Лысенко наверняка очень быстро исчезла бы. Но случилось невероятное. Лысенко выступал на съезде колхозников-ударников. Как всегда, его речь пестрела лозунгами. Один из них - «Дашь

1919 год. Будущий академик, а пока беспризорник Коля Дубинин выглядывает из-за локтя вождя мирового пролетариата.

перестройку сельского хозяйства на научных основах!». И вдруг в наступившей тишине прозвучал голос Сталина, присутствующего на съезде. «Браво, Лысенко!» - крикнул он. И это «Браво, Лысенко!» определило судьбу нашей биологической науки на многие годы. Первой и главной жертвой стал Вавилов. Вскоре были арестованы и другие крупные генетики. Начавшаяся Отечественная война отбросила дискуссии в науке на задний план. Но это была лишь отсрочка.

В августе 1948 года Сталин и Лысенко завершили разгром генетики. Все направление по генетическим исследованиям было ликвидировано специальным постановлением правительства. На целых шесть лет Дубинин был отлучен от генетики. Триумф Лысенко - начавшееся «великое преобразование природы!» Считалось, что сельское хозяйство спасает лесополосы. Но в этих полосах заводились насекомые, которые интенсивно уничтожали деревья. Леса могли защитить только птицы. Их изучением как раз и занялся по совету друзей Николай Дубинин.

Выход в космос рождал новые направления в науке - космическую биологию и медицину. Лысенко и его последователи были беспомощны перед новыми реалиями. Тем не менее пришедший к власти Никита Сергеевич Хрущев продолжал

поддерживать Лысенко. Переубедить его не удавалось даже дочери Раде, которая по образованию была биологом. Руководителями страны, будь то Сталин или Хрущев, хотелось быстрее добиться продовольственного изобилия, быстрее построить коммунизм. Именно это им и обещал академик Лысенко. Но, к счастью, в науке были и настоящие ученые. Они не прекращали борьбу за истинную генетику. В середине 50-х, сразу после смерти Сталина, научные контакты между учеными разных стран начали восстанавливаться. Академик Лев Арцимович, известный советский физик, поехал на научный конгресс в Париж. Он попросил своих коллег-физиков познакомить его с французскими генетиками. Те удивились, но просьбу гостя все-таки выполнили. Лаково же было удивление всех, когда он попросил несколько мушек дрозофил. Их он повез в Москву в дар Дубинину. Это был бесценный подарок, потому что в лабораториях Москвы экспериментальных мух не было. Они попросту были уничтожены перед войной, когда на генетику начались гонения. В 1956 году в Академии наук была создана Лаборатория радиационной генетики. Это был своеобразный подарок к 50-летию Николая Петровича Дубинина...

В. ГУБАРЕВ
(«Комсомольская правда»,
23 апреля 1965 г.).

P.S. Этот очерк о Николае Дубинине в рубрике-долгостроителе «Клуб любознательных» подвел некоторую черту в борьбе «Комсомольской правды» за возрождение генетики и переходе ее как науки на новый, современный уровень. А началась борьба еще раньше, с другой моей статьи, о которой сам Николай Петрович впоследствии упоминает в своей книге «Вечное движение». Он пишет там: «В 1964 году пришло общественное признание важности того, что мы делали в области генетики. Это началось со статьи В. С. Губарева, помещенной 10 ноября в «Комсомольской правде». В статье говорилось, что журнал «Агробиология» (под руководством академика Т. Д. Лысенко - **Ред.**) необоснованно подверг критике некоторых наших ученых. В числе других называлась и моя фамилия. Отвечая на эту критику, В. С. Губарев писал: «Ученые, которых журнал «Агробиология» причислил к «научным циникам», широко известны во всем мире».

Публикация в «Комсомолке» вызвала очень бурную реакцию. Особенно негодовали в ЦК партии. Оттуда пришло указание главному редактору газеты немедленно опубликовать опровержение - беседу с академиком Лысенко, которую должен провести тот же Губарев. Главный редактор Юрий Петрович Воронов спросил, что будем делать. Тогда и появилась мысль напечатать очерк о Дубинине, в котором рассказать правду о травле и разгроме советской генетики. «Ты можешь согласовать его с кем-то из Академии наук?» - спросил Воронов. «Могу показать президенту Академии». Тогда им был Мстислав Всеволодович Келдыш. Он просмотрел очерк, но посоветовал его не публиковать, мол, они в Академии и без газетчиков разберутся. Мир научной элиты всегда был келейным и оберегал себя от репутационных потерь. Я сообщил Воронову, что Келдыш против публикации. «И что будем делать?» - «Публиковать!» - настаивали заведомо науки газеты, легендарный журналист своего времени Михаил Хвастунов и я. На следующий день материал «Два плюса жизни» появился в «Комсомолке». Утром позвонил Келдыш, сказал: «Правильно сделали. Надо всегда поступать так, как считаете нужным!»

А звезда Дубинина после публикации очерка разгорелась с новой силой. Он был избран академиком, ему присудили Ленинскую премию, а позже звание Героя Социалистического Труда. Он возглавил один из лучших институтов в Академии наук СССР. И всегда Николай Петрович откликался на все просьбы «Комсомолки», принимал участие в разных акциях газеты, неоднократно выступал на ее страницах. А мы продолжали писать о генетике, которая занимает теперь одно из приоритетных направлений в науке. Когда я пишу сегодня о новых достижениях геной инженерии - горжусь, ведь это продолжение той давней эпохи.

Владимир ГУБАРЕВ.

ВСПОМНИМ!

Молодежная пресса: было что почитать

Еще до октября 1917 года Владимир Ленин опубликовал рецензию на шесть первых номеров издававшегося в Швейцарии журнала Международного бюро социалистической молодежи - «Интернационал молодежи». И когда власть в России оказалась в его руках, сразу заботится о вооружении российской молодежной организации особым видом печати. Ведь молодежь обладает специфическими особенностями, и разговор с ней следует вести на ее языке.

Чтобы представить, с какой быстротой шло становление и развитие системы комсомольско-молодежной печати, достаточно привести хотя бы такие факты. Уже с декабря 1918 года в Москве выходят первые номера журналов «Юный коммунист» и «Молодая гвардия». А по стране уже в том году 23 периодических издания адресовались молодому читателю; в 1919 году к ним прибавилось еще 92 органа печати. Темпы этого роста отражены в объявлениях о выходе новых газет: 1 июля вышел первый номер газеты «Ленинская смена» (Нижегород); 6 сентября - «Заря молодежи» (Саратов); 27 сентября - «Молодая гвардия» (Пермь); 25 октября - «Комсомолец Татари» (Москва); 11 декабря - «Юный коммунар» (Москва); 18 декабря - «Смена» (Петроград); 21 декабря - «Ленинец» (Иваново) и «Комсомольское плем» (Оренбург); 7 января 1920 г. - «Северный комсомолец» (Архангельск); 12 февраля - «Волжский комсомолец» (Куйбышев); 18 февраля - «На смену!» (Екатеринбург); 29 июня - «Молодость Сибири» (Новосибирск) и т. д. Параллельно шел процесс создания молодежных и детских журналов. С марта 1920 года стали издаваться «Известия ЦК РКСМ»; в 1922 году начинает выходить журнал «Юные товарищи»; с 1924 года - журналы «Смена», «Пионер», «Вожатый»; с 1925 года - журнал «Крестьянская молодежь» и газета «Пионерская правда». ЦК РКСМ предпринимал попытки создания центрального органа комсомольской печати. С 10 апреля 1921 года по 16 марта 1922 года существовала газета «Красная молодежь», а с 15 января по 25 октября 1923 года - «Юношеская правда». Но регулярный выпуск такого издания удалось наладить лишь после партийного съезда в 1924 году о том, что «должна быть создана всероссийская комсомольская газета». Первый номер «Комсомольской правды» вышел 24 мая 1925 года. Ее издание не прерывалось даже в годы Великой Отечественной, когда были закрыты все местные комсомольские издания. После Победы молодежная печать была полностью восстановлена и получила дальнейшее развитие. В 70 - 80-е годы минувшего столетия комсомол располагал 226 молодежными, пионерскими и детскими газетами и журналами, выходящими на 22 языках народов СССР. Разовый тираж их составлял 63 миллиона экземпляров. А «Комсомольская правда» в 1990 году, достигнув разового тиража в 21 миллион 900 тысяч экземпляров, вошла в Книгу рекордов Гиннеса, став абсолютным мировым достижением среди ежедневных газет XX века.

Владимир ДЕСЯТЕРИК,
доктор исторических наук.

ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

ОНИ ИДУТ

В 2 часа 15 минут московского времени мы их увидели. Головной самолет первым вышел в нужную точку. Пилот Олег Охонский позже рассказывал: «Увидел след лыж. Две минуты шел над лыжней. И вот он - лагерь!»

- Вижу палатку! - радостно кричит стоящий за спиной летчиков Володя Снегирев. И мы открываем дверь самолета. Чтобы не выпаст в горячке съемок, мы с оператором киностудии крепко привязаны и можем, стоя, даже чуть-чуть высовывать нос из дверей. Высота двести метров. Пролетающий воздух опалает лицо - температура за бортом -39. Только б не подвели фотокамеры...

Палатка!.. Она похожа на ярко-оранжевый детский шарик, занесенный сюда ветрами. Красный флаг над палаткой и семерка людей. Тут на снегу красный цвет особенно выделяется и волнует тоже особенно. Стоят с поднятыми вверх руками. У одного в руке дымящая сигнальная шапка. Круг, еще круг. Теперь с Ил-14 будет сброс. С высоты мы видим, как это все происходит. Самолет пронесится прямо над лагерем. И - точный расчет! - парашют с мешком груза падает в двадцати шагах от палатки. Четыре захода - и дело сделано. Теперь прощальный пролет. Опять подняты вверх руки, но кто-то уже склоняется над сброшенным грузом. Там среди снаряжения, еды, гостинцев, газет и писем есть и моя маленькая посылка - семь веточек вербы, срезанных в Подмоскovie накануне полета сюда. На лыжне в Подмоскovie я встречался с этой семеркой. Идешь налегке, а у них в рюкзаках - кирпичи. Шутили: «Тяжело в ученье - легко в бою». Теперь пришло испытание. Они очень его хотели и держатся молодцами. Наш прилет сегодня, конечно, праздник для них.

Рядом со мной в самолете сидит товарищ

по «Комсомолке» Владимир Снегирев. Он очень взволнован: «Они идут... Я счастлив - они идут...» Снегирев - кровная часть этой группы. Вместе многие годы тренировались, вместе были в трудных походах тут, в Арктике, вместе мечтали об этом главном походе. Теперь Владимир в группе обеспечения, он ответственный секретарь штаба экспедиции, постоянно держит связь с группой по радио, подбадривает родственников идущих, пишет репортажи в газету, и я не удивляюсь, видя сейчас Владимира задремавшим на плече штурмана Рудакова. Впрочем, ненадолго. Протирая глаза, он улыбается: «Они идут. Они идут к полюсу. Как долго мы все об этом мечтали». Идут... А зачем идут? Кто их гонит? Среди множества писем, приходящих сейчас в редакцию, писем с горячей поддержкой экспедиции и пониманием ее задач, есть и такой вот вопрос: «Зачем?» Вопрос этот столь же старый, как и вся история человека. Всегда кто-то шел по земле, обречая себя на лишения, даже на гибель, а кто-то сидящий в спокойном тепле у костра ли в пещере или у ящика телевизора говорил: «Зачем?» Вопросавших никто не помнит. Тех же, кто шел, история знает.

Со станции «СП-24» по радио мы говорили с капитаном семерки Дмитрием Шпаро. Беседа состоялась уже после того, как мы вернулись на базу, а ребята там, в лагере, распаковали посылки, прочли газеты и письма.

- Что передать читателям «Комсомолки»?

- Скажите спасибо всем за поддержку. Скажите, что видели флаг нашей Родины над нашей палаткой. Скажите, что человек силен движением вперед. Скажите, что мы полны решимости достичь цели.

В. ПЕСКОВ. Фото автора
(«Комсомольская правда»,
21 декабря 1986 г.).

НАША СПРАВКА

Полярная экспедиция «КП» (1970 - 1989 гг.). Начальник - Дмитрий Шпаро. Комсорг - Владимир Леденев. 1976 год: первый в мире переход на лыжах от острова Врангеля до дрейфующей станции «СП-23». 1979 год: впервые в мире участники экспедиции на лыжах доходят до Северного полюса. 1986 год: первый в мире переход по дрейфующим льдам в условиях полярной ночи. 1988 год: впервые участники экспедиции плюс четыре канадца связали лыжней СССР через полюс с Северной Америкой. Кроме того, в активе экспедиции - историко-географические поиски на дальних островах Арктики, уникальные медико-биологические исследования по заданиям космической медицины, а эксперименты по хранению продуктов в условиях вечной мерзлоты продолжаются по настоящее время.

«Комсомолка» - единственная газета, которая почти двадцать лет имела при себе полярную экспедицию.

То было замечательное время - время, наполненное дружбой...

Мы часто хотим что-то повторить. Иногда получается, иногда нет. То, что существовало пару десятков лет как общественное явление - «Высокоширотная полярная экспедиция газеты «Комсомольская правда» - повторить невозможно. Тогда слилось в одно целое: люди, мечты, жертвы. Как сейчас это воссоздать? Никак! Мир движется вперед. Нет большой группы единомышленников, но есть один, настоящий и преданный друг, который со мной разделял сложность и ужас полярной ночи - ночи, которая длилась 87 дней. 87 дней потребовалось в 2008 году Борису Смолину и мне, чтобы достичь полярной точки Северного полюса и доказать всему миру, что изменение названия страны не меняет сущности людей.

Высокоширотную полярную экспедицию «Комсомольской правды» двигали вперед комсомольцы. Для меня «комсомолец» звучит как-то по-молодежному. Это активные люди, которые

помогали, вдохновляли,если в общество правильные ценности. Может, я не прав, это мое ощущение. Сейчас как никогда нам нужны такие «молодые двигатели», которые меняют среду вокруг себя в лучшую сторону. Такие ребята есть, им нужно только немного помочь.

Десять лет назад мы стали водить молодых ребят к Северному полюсу. Конечно, это не тысяча километров, как у нас с Борисом или как было у команды моего отца - Дмитрия Шпаро. Это сто километров, но очень принципиальные сто километров - это те же льды, торосы, мороз, ветер, вся непредсказуемость Арктики. Но самое главное - это возможность в 16 - 17 лет оказаться на вершине планеты, поверить в свои силы и вернуться домой наполненным желанием менять к лучшему мир вокруг себя.

Матвей ШПАРО,
директор Клуба «Приключение».

Вера Лотар-Шевченко дает концерт. На фото справа - с автором очерка Симоном Соловейчиком.

ПИАНИСТКА

Я приехал в Барнаул в ночь на воскресенье и утром пошел побродить по городу. Афиша: в Доме политпросвещения сегодня концерт солистки Алтайской филармонии... Не буду пока называть имени. В программе - Сезар Франк, Равель и двадцать четыре прелюдии Клода Дебюсси. Я подивился мужеству Алтайской филармонии - кому из пианистов под силу такой концерт? - купил билет и с любопытством стал ждать вечера. Я посчитал, в зале на 500 мест - 53 человека. На сцену вышла пианистка. Рыжие коротко подстриженные волосы, высокая, немолодая женщина. Посмотрела в пустой зал с грустью, сменила качающийся стул и стала играть.

Три раза в жизни испытал я фантастическое ощущение, будто впервые слышу фортепианную музыку. Первый раз - на концерте Святослава Рихтера. Второй - когда услышал запись бетховенской «Авроры» в исполнении Артура Schnabel. И третий - здесь, в Барнауле. Она играла, быть может, самую изысканную и поэтическую музыку на свете. Она не отдавалась музыке. Была над нею, выше нее.

Средиземное море, Ницца, богатая вилла. Отец-француз был физиком, математиком, астрономом, профессор в Сорбонне, потом в Туринском университете. Мать-испанка совмещала преподавание литературы в Сорбонне с обязанностями светской женщины. И дочь Вера. Бесчисленные гастроли. Вера в детском платье, с бантом на голове. Ее представляли публике как вундеркинда. В пятнадцать лет - это было в 1925 году - она окончила с золотой медалью Парижскую консерваторию. Она вышла замуж за русского инженера-акустика Владимира Яковлевича Шевченко. Его отец эмигрировал из России после 1905 года. Владимир был коммунистом. Незадолго до войны они с Верой добились советских паспортов, приехали в Советский Союз и поселились

в Ленинграде. Получили квартиру, работу, были обеспечены и счастливы.

Но, когда началась война, мужа арестовали. Вера кинулась хлопотать за него и тут же сама была осуждена на восемь лет. Каждую ночь, жертвуя часами сна, после тяжелых трудов лагерницы великая пианистка с закрытыми глазами мысленно проигрывала ноту за нотой сонаты Бетховена, фуги Баха, прелюдии Шопена. И так до самого дня освобождения. Выйдя из ворот лагеря под Нижним Тагилом, прямиком, в телогрейке и в валенках, пришла в музыкальную школу в центре города и, путая слова, с немилым акцентом, сказала директору, что иностранка, окончила Парижскую консерваторию, гастролировала по миру, а сейчас просит одного - пустой класс с роялем, где могла бы запереться на час. Ей не отказали. И случилось чудо. Она села за рояль и стала играть, словно не было восьмилетнего перерыва. В шестидесятом году состоялся ее первый концерт в Москве, в Октябрьском зале Дома союзов. Хотя имени пианистки никто не знал, зал был полон - привлекла программа. Только странной нераспорядительностью товарищей из Министерства культуры можно объяснить то, что игру Веры Августовны не часто услышишь в главных концертных залах страны, что до сих пор нет пластинок с ее записями.

...Уходил я поздно, но уже внизу, в подъезде, было слышно: Вера Августовна села за фортепьяно. Стоял, слушал и, восхищаясь, думал о том, что хорошо бы в «Комсомольской правде» под рубрикой «По следам наших выступлений» увидеть заметку, в которой было бы сказано, что в Барнауле состоялся очередной концерт пианистки Веры Лотар-Шевченко и что зал был переполнен...

С. СОЛОВЕЙЧИК
(«Комсомольская правда»,
19 декабря 1965 г.)

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ Новая судьба пианистки

Мечта автора, которой он закончил статью, осуществилась. Вскоре «Комсомольская правда» сообщила: «Вчера в Барнауле состоялось выступление пианистки. Зал был переполнен. На 32-градусном морозе люди охотились за лишними билетами. Концерт из произведений Бетховена, Шопена, Листа, Равеля прошел с громадным успехом». Здесь же сообщалось, что Вера Августовна получает на адрес «Комсомолик» и на свой собственный адрес, теперь уже в знаменитом Академгородке под Новосибирском, сотни писем и поздравлений. Выдающиеся ученые Академгородка на следующий же день после публикации «Пианистки» пригласили ее выступить у них. Она стала солисткой Новосибирской филармонии, ей выделили двухкомнатную квартиру, установили великолепный рояль, сшили концертные платья. Здесь она оказалась в обществе людей, с которыми могла говорить не только по-русски, но и по-французски, по-испански.

Невозможно забыть первую встречу с Верой Августовной, когда она играла по приглашению «Комсомольской правды» в переполненном Голубом зале редакции. С этого дня нашего знакомства, целых шестнадцать лет до дня ее ухода из жизни, большую часть времени между концертами по стране она жила у нас, в нашей семье.

В 1965 году, когда был напечатан очерк, никаких открытых сведений о репрессированных людях из-за рубежа, тем более известных всему миру, как наша героиня, практически еще не было. Более того, к этому времени и волна свидетельств о человеческих трагедиях 30-х годов, о людях, которым выпали тяжчайшие испытания эпохи культа личности, практически сошла на нет. Наступил период глухого замалчивания тех событий. «Комсомольская правда», однако, без каких-либо сомнений напечатала эту статью, буквально подарив Вере Августовне ее новую жизнь. За первый же год прошли 12 концертов. Ее слова: «Жизнь, в которой есть Бах, благословенна» - выбиты на небольшом беломраморном надгробии Веры Августовны, которое наш старший сын установил на кладбище в Академгородке. Добавлю только, что Вера Августовна никогда не касалась в общении с людьми ни темы политических репрессий, ни своей жизни политзаключенной в лагерях ГУЛАГа. Но первые два ряда на всех ее концертах были предназначены для людей, которые прошли через ту же трагедию, через которую прошла она.

Нина АЛЛАХВЕРДОВА-СОЛОВЕЙЧИК.

НАША СПРАВКА

Международный конкурс пианистов памяти выдающейся французской и советской пианистки Веры Августовны Лотар-Шевченко проводится в России (при поддержке Фонда первого Президента РФ) с 2006 года каждые два года. Его инициатор и бессменный директор - известный журналист, бывший первый заместитель главного редактора «Комсомольской правды» Юрий Данилин. Три конкурса прошли в Новосибирске, затем он был перенесен в Екатеринбург, где в мероприятии традиционно участвует Наина Иосифовна Ельцина. В конкурсе две номинации: юношеская (до 19 лет) и основная, без ограничения возраста. Лауреаты и дипломанты конкурса по традиции выступают в зале Корто в Париже, где играла Вера Лотар, а также в Москве. 5 октября 2018 г. концерт лауреатов и дипломантов VII конкурса состоялся в Бетховенском зале Большого театра. На сцене рядом с великолепным роялем стоял портрет юной, но уже всемирно тогда известной Веры Лотар и огромная ваза с белыми и лиловыми цветами.

Татьяна КОРСАКОВА.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

3 июля 1972 г. рязанский комсомолец, молодой тракторист Анатолий Мерзлов работал на уборке пшеницы, когда от случайной искры вспыхнула солома. Сражаясь с огнем и стремясь спасти трактор, Анатолий погиб. В «Комсомольской правде» появился очерк писателя Константина Симонова «В свои восемнадцать лет», где автор доказывал закономерность подвига. Не все с этим согласились. В обществе развернулась широкая дискуссия.

Молодежный экспериментальный театр-студия в Ростове-на-Дону представил зрителю публицистическую хронику «Обнаженные нервы земли». Спецкор газеты вылетел на премьеру.

Афиша была большая с красным и синими буквами, на тонкой, гремящей, как жесть бумаге. Афиша звала в Ростов на спектакль о подвиге Анатолия Мерзлова. Два главных вопроса ставил спектакль: стоило или не стоило Мерзлову идти в огонь? И сможем ли мы сделать то же? Ребята из студии давно решили для себя первый вопрос - стоило или нет. Иначе зачем было ставить спектакль и доказывать то, во что не очень веришь сам. Они верили. И читали всему залу документы и письма - о честности и воровстве, о нежности и жестокости.

Полоска земли

Прошлой осенью в сентябре руководитель студии Гена Тростяницкий приехал в Москву в редакцию с командировочным удостоверением, в котором было написано: «...направляется в отдел писем для ознакомления с материалами об Анатолии Мерзлове». Он привезет домой статьи. И письма читателей. И на этом материале напишет пьесу. И прочтет ее ребятам в театре. И они долго будут молчать...

Теперь он шел через зал - худой, невысокий парень с походкой борца: вразвалочку. На заднике сцены газеты. И прямо по ним идут черные полосы вспаханного поля. На авансцене два окна. Одно ночное, совсем без света. Заклеено белыми конвертами, как большими хлопьями талого снега. Другое, слева, как окно военного дома, забито крест-накрест досками. На них листки календаря. «Живого или мертвого, жди меня двадцать четвертого, двадцать третьего, двадцать пятого, винюватого, невиюватого»... И под каждым окном - пишущая машинка на тумбочке. Одна старинная - сороковых годов. Другая новая - семидесятых. У связи между залом и сценой был еще один надежный проводник - полоска земли. И все действие разворачивалось на ней. По ней ходили герои и антигерои. Земля была им судьей.

Люди в зале были разные. Каждый думал о своем и по-своему. Несложно сделать памятник из человека. Важно сохранить его живым. С

пятнами машинного масла на руках, с теплым запахом молодой картошки, хлеба, травы. Важно, чтобы он вырос вместе с нами и сына учил добру. Чтобы сын вырос и люди ему сказали: «Папа у тебя был хороший!» Чем больше будет на земле стариков с глазами детей, тем меньше будет маленьких детей с глазами стариков. Круговая порука добра.

...Я вспоминаю пьесу из спектакля. *Обнаженные нервы земли* Неземное страдание знают. Она вынесет все, переждет... Не записывай землю в калекки. Кто сказал, что земля не поет? Что она замолчала навеки? Нет, звенит она, стоны глуша. Из всех своих ран, из отдушнин. Ведь земля - это наша душа, Сапогами не вытопать душу...

Может, нервы земли - это ее люди? Тогда каждый человек - нерв. И все объяснения в этом. И каждый шаг солдата, идущего с винтовкой на вражеский танк. Кто поднял его в атаку? Земля. И каждый шаг Гагарина по гулкому трапу вверх. И каждый шаг Мерзлова. Что же тут непонятного...

А. ШУМСКИЙ
(«Комсомольская правда»,
7 мая 1974 г.)

ДЕБЮТ В «КП»

МЫ ПЕСЕНКУ ЭТУ ТВЕРДИМ НАИЗУСТЬ...

29 августа 1926 года в «Комсомолке» напечатали стихотворение «Гренада» 23-летнего поэта Михаила Светлова.

Это был тот самый редкий случай, когда и поэт, и его произведение стали знаменитыми в один день. «Гренаду» приняла страна, ее заучивали наизусть несколько поколений, и пять, потом семь, потом поочередно двадцать композиторов - в том числе Юрий Чичков, Константин Листов, Абрам Кабаков, а в наше время и Микаэл Таривердиев, и Виктор Берковский - словно соревнуясь, подбирали ноты к этим строчкам.

Через четыре дня после публикации светловского шедевра его наизусть читал в Политехническом Маяковский. А через четыре месяца, 30 декабря 1926 года, в Париже на «Гренаду» откликнулась - непредставимо! - сама Марина Цветаева. «Передай Светлову, - написала она Борису Пастернаку, - что его Гренада - мой любимый - чуть не сказала: мой лучший - стих за все эти годы...»

Стихи, как и песни, живут, куда они нужны людям. Разве могла угадать «Комсомольская правда», да и сам Светлов, что его стихи станут камертоном для стихов и поступков на многие годы и десятилетия? Вот строчки Ольги Берггольц, посвященные летчику Виктору Хользунову, сражавшемуся в Испании в 1937-м. «Но только, наверно, ошибся поэт, - написала она как бы поэтическое продолжение: - Тот хлопец - он белыми не был убит. / Прошло девятнадцать немилых лет - / Он все-таки дрался за город Мадрид...» Куплет этой песни-стиха был высечен на памятнике убитому в Испании командиру 12-й Интербригады венгерскому писателю Мате Залка, а через несколько лет, в Великую Отечественную, эту песню пели освободители Европы - солдаты Красной Армии.

Известно: Маяковский незадолго до гибели сказал Светлову: «Что бы я ни написал, все равно все возвращается к моему «Облаку в штанах». Боюсь, что и с вами, и с вашей «Гренадой» произойдет то же самое».

Маяковский был прав.

Михаил Светлов

ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях,
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Донные хранит
Трава молодая -
Степной малахит.
Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя -
Язык батарей.
Восход подымался
И падал опять,
И лошадь устала
Степами скакать.
Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопча
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?
Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада, Гренада моя?»

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули «Грена...»
Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол,
- Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь -
Гренадская волесть
В Испании есть!
Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные,
Прощайте, друзья -
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца,
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...
Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада, Гренада мой!

Свои главные стихи Михаил Светлов написал в 23.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

- Мы с Сергеем Тараненко (партнером Галины Бесединой по дуэту на протяжении четырех десятилетий. - **Ред.**) решили показать Микаэлу Таривердиеву наше исполнение его песен из кинофильмов. А в результате Микаэл Леонович написал для нас цикл «Мы с тобой, товарищ» на стихи Михаила Светлова: семь песен, в том числе и «Гренаду». Тогда уже было много музыкальных версий ее, но Таривердиев сделал эту вещь в камерно-вокальном стиле. Однажды Микаэл Леонович привел нас к первому секретарю ЦК комсомола Борису Пастухову, попросил спеть ему. Борису Николаевичу понравилось, он нас поддержал. В 1978-м (представляете, 40 лет назад!) мы поехали на Кубу на XI фестиваль молодежи и студентов, где нам присудили лауреатское звание. А Таривердиеву за светловские песни дали премию Ленинского комсомола. Микаэл Леонович считал, что это наша общая работа, и сделал нам прекрасные подарки - Сереже купил пианино, а мне - великолепную гитару.

Никогда не забуду случай на одном из концертов на БАМе. На улице минус 50, в зале тоже нежарко. Спели мы «Гренаду», и тут на сцену под аплодисменты вылезает огромный мужик в буллате со смешной мохнатой шапкой в руках и говорит: «Никогда я не слышал такой музыки, такой поэзии. Мне сейчас хочется бросить шапку о землю и начать жить по-новому...» Эти слова врезались в память, с ними в душе я с тех пор и выхожу со светловской песней на сцену. Кстати, меня, бывает, и сейчас на улице узнают по этой песне: смотри, вон та, которая пела «Гренаду»...

Я долго не решалась ее исполнять: Сережи уже пятый год как нет. Но бывают же такие повороты - теперь в моем ансамбле Сергей Тараненко-младший, племянник Сережи, который относился к нему как к сыну. Также изумительный пианист с потрясающим голосом, выпускник Минской консерватории и Института имени А. Шнитке. Мы уже сделали программу памяти Таривердиева, несколько раз спели ее в Москве. Думаю, как встарь, отправиться с этими песнями по стране. И, конечно, без «Гренады» не обойтись.

Галина БЕСЕДИНА, певица, народная артистка России (октябрь 2018 г.).

ДОЛГ

В начале 1984 года в «Комсомольскую правду» пришло письмо из украинского городка Никополь. Соседи Саши Немцова, инвалида-«афганца», просили помочь ему, заброшенному после демобилизации всеми общественными и государственными организациями - партийными и комсомольскими, заводом - ЮТЗ, где он работал до призыва в армию, собесом, военными учреждениями. Парень безвременно сидел в инвалидной коляске в квартире, не имея возможности даже выехать на улицу. Журналист «Комсомолки» Инна Руденко неделю провела в Никополе, добиваясь, чтобы местные власти соорудили для Немцова в подъезде съёмный съезд, и уехала ни с чем. Вскоре в газете появился ее очерк «Долг», взорвавший стену молчания вокруг воинов-«афганцев», вернувшихся с войны, которой для советских людей не было. Многие в верхах считали и прямо говорили, что публикация очерка - политическая ошибка газеты. Но в ЦК КПСС уже появились люди, которые ошибкой считали саму эту войну. И после публикации шестеро упомянутых в очерке чинов были исключены из партии. Саше Немцову соорудили отдельный вход в квартиру, а затем и построили дом за казенный счет. Положение «афганцев» существенно изменилось. Немцов с помощью газеты прошел курс лечения в Москве. Нашел и друзей, и семью, и работу. По-прежнему 9 Мая звонит по домашнему телефону Инны Павловны, поздравляет теперь, после ее кончины, с Победой ее детей и сестру...

Инна Руденко с героем «Долга» Александром Немцовым.

отца. Толик лежал так, что даже необстрелянный новичок мог бы предположить худшее. Но Саша, из последних сил удерживая в себе один-единственный шанс надежды, сделал несколько шагов, не подозревая, что они будут последними, и склонился над другом.

...Достаточно мгновения, чтобы стать героем, но нужна целая жизнь, чтобы стать достойным человеком.

Он научился плавать. Друзья пробовали, как он, одними руками, не получается. Но человек живет ведь не в воде, на земле.

Он научился фотографировать. Но многое ли снимешь в комнате?

Он научился выпиливать по дереву. В его комнате висит очень грустный Есенин и очень веселый повар - показывает большой палец: вот, мол, какая у меня жизнь. Саша тоже бывает веселый. Когда

по вечерам приходят соседи, друзья. А днем в доме стоит тишина. Тишина бывает такая, - сказал мне Саша, - что даже в ушах звенит. И этого звона Саша страшится как той, второй пули в спину. Хочется лечь и отвернуть голову к стене. Чтоб никто не видел его глаз. Но Саша не ложится. Саша надевает пиджак. На лацкане пиджака орден Красной Звезды. Орден ему вручал военком. Здесь, в комнате. И никто, кроме матери, не слышал, как, вручая орден, военком назвал его Александром Ивановичем. Но он-то знает, что он еще Саша, Шурик. Ему 23 года. Впереди длинная-длинная жизнь.

Из разговоров:

Юрий Кузнецов, сосед: «У меня скоро сын служить пойдет. Очень важно, чтобы ребята с правильным настроением служили, чтобы они, как и Саша, от пуль не прятались. Вот почему мы, ничего не сказав Саше, и написали письмо вам в редакцию».

Военком Шевчук: «Письмо-то письмо, но мы тут при чем? Немцов теперь не наш, он советский».

Зав. собесом Гребенщиков: «В письме меня возмущает вот это слово «мы». Не люблю этого слова. Кто это мы? Нет, этим людям явно что-то надо!»

Зам. секретаря комитета комсомола ЮТЗ Е. Ефименко: «По съезду мы работаем. И потом: учетную карточку Немцова нам только сегодня из горкома передали».

Первый секретарь Никопольского горкома комсомола А. Каплиенко: «Когда я письмо прочел - у меня обиды была. Теперь мною владеет диаметрально противоположное чувство».

Из истории болезни: «В области левого плеча рубец длиной 6 см, в области левой половины грудной клетки рубец 10 см, в области позвоночника - рубец 20 см. Последствия огнестрельного ранения».

Но рубцы бывают не только от огнестрельных ран.

(«Комсомольская правда», 15 февраля 1984 г.)

P.S. Очерк Инны Руденко «Долг» позволяет газете гордиться, что и в самые застойные времена она прорывала паутину лжи, лицемерия, наплевательства, общественного равнодушия, вступалась за тех беззащитных и бесправных молодых ребят, которые послужили пушечным мясом и были забыты. Инна писала, как будто шла по минному полю: выверяя каждое слово. Вроде бы мы подстелили соломки везде, чтобы не споткнуться. И все же споткнулись о запрет цензора, который не подписал газетную страницу с очерком. Формально тема покалечен-

ных «афганцев» вообще была под запретом. А уж в таком обличительном ракурсе - тем более. Пришлось выпустить номер без разрешения цензора. Была такая возможность, под личную ответственность главного редактора. Тогда это был поступок с предсказуемо наказуемыми последствиями. Но «Долг» перевесил. И остался в истории не только вехой газеты, но событием для страны.

Геннадии СЕЛЕЗНЕВ, главный редактор «Комсомольской правды» (1981 - 1988).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Человек, который сбил «Боинг»

То, что случилось в эту обычную лунную ночь, многое изменило в его жизни. Да что там его жизнь! Эта ночь повлияла на климат в международных отношениях. Президент Рональд Рейган перед миллионными телезрителями объявил тогдашний Советский Союз империей зла.

Итак, та ночь... 1 сентября 1983 года в нашу страну, как обычно, пришел с востока. В этот день в школах начинались занятия, а первым уроком по традиции был урок мира.

В пять двадцать зазвонил телефон. Дежурный объявил готовность номер один. Через четыре минуты Геннадий Осипович сидел в кабине Су-15. После попытки принудить нарушителя к посадке он получил приказ на уничтожение.

В прелюдном небе вспыхнул оранжевый взрыв. О последнем полете южнокорейского «Боинга» написаны тысячи статей и книг, трудно перечислить все версии и толкования той трагедии в утреннем небе. Сам он, пилот Су-15, в спорах не участвует, расскажет коротко, что помнит, - и молчит.

На аэродроме Геннадия все поздравляли с выполненной боевой задачей. Пожимали руки, похлопыва-

ли по плечу. Говорят, завидовали летчики семи другим истребителей, поднятых в небо, но вышедших в цель позже. Особенно радовался техник, что отказов в механизме не было, что ракеты сработали. Завалить такую громадину, как «Боинг», двумя ракетами - задача не такая простая, как кажется профанам.

Уже вечером понаехало начальство. Проигрывали разные варианты: как и что говорить. Тщательно готовили Осиповича к интервью для телевидения.

Вскоре его перевели с Сахалина в Майкоп, служил он в авиаучилище, готовил молодых летчиков. В 1989 году по выслуге ушел на пенсию в звании подполковника.

Сейчас Геннадии Николаевичу сорок семь. Основное его занятие - дача. Здесь, на окраине Майкопа, он достраивает дом, разводит кур... Типичные занятия пенсионера. О том, что случилось восемь лет назад, вспоминает не любит.

И до сих пор не верит, что в самолете были пассажиры. Вернее, старается не верить...

В. ВЕЛЕНГУРИН («Комсомольская правда», 25 января 1992 г.)

ГЕРОИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Руслан был тяжело ранен 16 октября 1986 года, это случилось в районе перевала Саланг. Автоматная пуля прошила его тело навывлет, по пути задев оболочку легкого и разорвав печень.

За те годы, что он провел на войне, Руслан много раз видел, как свинец сбивал с ног людей. С ним прежде этого еще не случилось. Он не считал, что заговорен от пуль, и не тешил себя напрасными иллюзиями. Напротив, отчетливо сознавал: рано или поздно это, по-видимому, случится. Он редко позволял себе роскошь думать об этом. В бою же размышлять о таких вещах было вообще недосуг, командир под огнем заботится не о себе, а о своих людях и о том, как выполнить задачу.

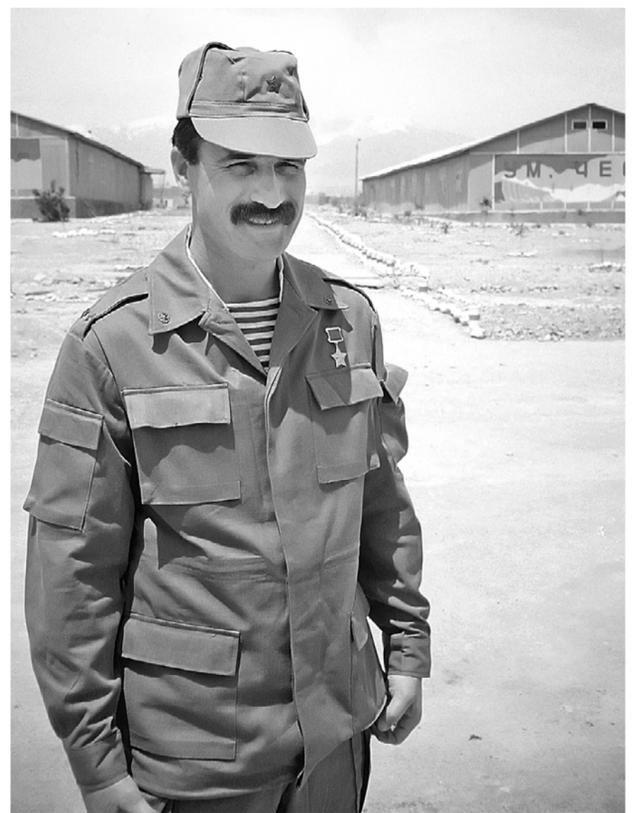
Накануне ночью из Панджшера к Салангу скрытно выдвинулись группы моджахедов Ахмад Шаха Масуда с приказом - уничтожить колонну наливников, перевозивших топливо. Как раз к полудню они заняли позиции для атаки на горном серпантине. Колонна растянулась километра на два. «Духи» прибегли к давно опробованной тактике: залпом из гранатометов они подожгли первую и замыкающие машины, а также сопровождавший колонну бронетранспортер. Затем стали методично расстреливать из-за камней остальные цистерны.

Это был ад. Водители выпрыгивали из объятых пламенем кабин и тут же попадали под смертельный град пуль, летевших с разных сторон. По камням текли ручьи бензина, смешанные с кровью.

Руслан со своим небольшим отрядом - два танка и шесть БМП - в это время стоял внизу, у моста через реку Кабул, откуда начинался серпантин. В 15.00 он увидел столбы черного дыма, которые поднимались над горами, и услышал уханье гранатометных залпов. В следующую минуту его отряд рванулся к залитым ярким солнечным светом горам.

Ему казалось непонятным, отчего так мало машин вышло из зоны обстрела? Все остальные уничтожены? Нет, этого не может быть, весь его афганский опыт противился такой мрачной догадке. Всегда основная часть машин прорывалась, какой бы страшной ни была засада. Что-то было не так.

Все объяснилось за следующим изгибом дороги, которая лепилась между скалами и пропастью. Он увидел: здесь трассу намертво перегородили две горевшие машины. Оставалось только догадываться, как это они встали поперек шоссе обе сразу, борт в борт, будто на-

Руслан Аушев, Герой.

ОН ВЕРНЕТСЯ

Танк вновь почти наполовину влез в огненный вал. «Ну давай же, давай!» - мысленно подталкивал его Руслан. Нет, опять ничего. Оставалось последнее средство. Радикальное.

- Ну что, старлей, давай прямой наводкой!

Побежал от танка к укрытию и почти сразу почувствовал тупой укол в спину... Однако останавливаться было нельзя, он как раз находился на самом опасном, самом простреливаемом участке дороги. Следовало бежать, и он бежал, зная уже, что ранен и, похоже, тяжело. Добежав до бэтэра, упал под левым бортом, рядом с радистом, который держал связь между подразделениями. Надо было руководить боем. Обернулся назад. Обе машины продолжали гореть одним гигантским костром...

- Передай разведчикам, чтобы пробивались к нам сверху, - сказал радисту...

Вместо ответа тот рыком захлопнул люк, и почти сразу танк дернулся, пополз, лязгая, прямо на огненную стену. Но повозившись с минутой у горевших наливников, отступил опять на прежнее место. Старший лейтенант вылез наружу, теперь его лицо казалось виноватым, в глазах мелькали обиды и злость.

- Жарко там очень. Не выдерживает механик-водитель, - прокричал он.

- Надо, брат. Надо! Давай еще раз.

В. СНЕГИРЕВ («Комсомольская правда», 10 декабря 1986 г.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Я хорошо помню, что совсем не спал в ту ночь. Меня мучили жуткие боли в спине и пояснице. Утром, злой и измученный, пришел на работу. Звонил из Кабула: «Аушев в очень плохом состоянии, возможно, в критическом. Пуля пробил печень, задела другие жизненно важные органы. Его прооперировали, пока находится в медсанбате в Баграме».

Вот так... Неужели связь между нами была такой сильной, что его боль эхом отдалась во мне? Придя в себя, я немедленно сел за вертушку: звонки в ЦК партии, ЦК комсомола, знакомым генералам в Минобороны, звонки друзьям. Следовало сделать все, чтобы спасти брата и друга. И каждый раз на том конце провода собеседник, услышав от меня тяжелую весть, тоже впадал в ступор, так все любил Руслана.

Но машина уже завертелась. Уже Иосиф Кобзон брал билеты на ближайший авиарейс в Кабул, уже с самого верха звонили в штаб 40-й армии с категорическими приказами: приложить все усилия. Через пару дней отлегло: я дозвонился до кабульского госпиталя, куда был доставлен Руслан, услышал его голос. «Все нормально, - сказал он так, словно не было никакого смертельного ранения, и добавил: - Ты позвони моим в Грозный, пусть не волнуются».

Вскоре я принес в редакцию свой очерк об Аушеве: там было все - и о ранении, и об Ингушетии, и про нашу дружбу. Одна беда: материал получился таким большим, что занимал целую газетную страницу или, как у нас говорили, полосу. А «Комсомолка», напоминая, выходила тогда только на четырех страницах, и полосные публикации, если и случались, то крайне редко. Я отдал свой очерк главному редактору Геннадии Селезневу. Он перезвонил почти сразу: «Ставим в номер. Без сокращений».

Но это было не все, требовалось получить разрешение военной цензуры. Долгие годы цензоры, подчиняясь директивам Генштаба, люто вычеркивали из любых статей все подробности об афганской войне. Теперь, правда, стало легче, шел 1986 год, Горбачев, перестройка, задули иные ветры. И все же... Удивительное дело, но спустя час я получил свой очерк от цензора и на уже сверстанной полосе увидел всего три незначительные поправки, вот она, эта полоса, я и сегодня ее храню, и вот эти сделанные красной ручкой поправки...

Назавтра я проснулся знаменитым. Публикация в «КП» под заголовком «Он вернется» вызвала такой шквал звонков, писем, откликов, какого в моей биографии больше не было и уже никогда не будет. Письма в редакцию - с благодарностью в адрес автора, с пожеланиями скорейшего выздоровления в адрес Героя, с признаниями ему в любви, с сообщениями, что отныне Руслан зачислен почетным членом трудовых коллективов, что его именем названы школы, что его приглашают в гости - эти письма тысячами шли в редакцию. Бумажные мешки с письмами заргромождали всю комнату.

Со Старой площади поступило указание перепечатать очерк во всех республиканских, краевых и областных га-

ОН ВЕРНУЛСЯ

зетах. Я не помню, чтобы такое случалось в нашей печати. И прекрасно сознаю, что дело не в моем старании, хотя я старался, а дело в личности Руслана Аушева. И дело в очевидной мудрости партийных инстанций, прекрасно понимавших, что на этом примере надо воспитывать своих граждан и прежде всего - подрастающее поколение.

Отгуляв положенный по ранению внеочередной отпуск, мой друг опять вернулся к месту службы - в Афганистан. Он дотянул и эту вторую командировку до конца и только осенью 1987 года приступил к мирной жизни. И снова поступил не как все. Когда в военном ведомстве принимавший его крупный генерал спросил, где бы Аушев хотел продолжить службу, тот ответил: «Если можно - на Дальнем Востоке». Генерал даже прослезился: «Ну, сынок, ты настоящий офицер! Вот бы все так».

Через два года, когда в стране начались первые демократические выборы, дальневосточники выдвинули командира полка Аушева своим кандидатом в народные депутаты СССР. Он стал членом Комитета Верховного Совета по делам военнослужащих, а в 1991-м возглавил Комитет ветеранов афганской войны.

В 1993 году Руслана его земляки уговорили возглавить Ингушетию. Он долго сомневался, понимая, какая это нелегкая ноша, какую огромную ответственность ему придется взвалить на свои плечи. Приехав тогда в Назрань, я ужаснулся: дорог нет, по улицам бродят коровы и куры, работы нет, все разрушено, запущено, беженцы, горе, безнадега...

Руслан советовался: справится ли он со всем этим? Я честно ему отвечал: не знаю, я бы не смог. Однако я уже хорошо понимал к тому времени, что все равно решение он примет сам. Советуй - не советуй.

Когда он уезжал, я зашел в комитет попрощаться. Сели друг против друга. Говорю ему:

- Ну все, брат, на этом наша дружба, скорее всего, закончится.

- Почему? - Он даже привстал от удивления.

- Да потому что чудес не бывает. Ты теперь - президент, человек, облеченный властью. А власть меняет людей. Хочешь ты этого или нет, а все равно отныне станешь другим. И привычки станут другими, и друзья... Все станет теперь иначе.

- Володя, ты чего? Разве ты меня не знаешь? Не говори так! - Никогда раньше я не видел Руслана столь огорченным. Всем нам хочется верить только в хорошее. И он верил. И я. Не всегда эта вера совпадает с реалиями повседневной жизни. Но здесь - должен это признать - я ошибся.

Он с честью пронес и ту нелегкую ношу. Стал генералом. Сенатором. Продолжал руководить афганскими ветеранами. Спасал детей в Беслане и заложников на Дубровке. Остался Национальным Героем - я пишу эти слова с большой буквы.

И мы навсегда друзья. Братья. Ничто и никогда этого не порушит. А породила нас «Комсомолка».

Слово к украинцам и белорусам

Сам я - едва не наполовину украинец и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провел большую часть своих фронтовых лет и до пронзительности полюбил ее печальную скудость и ее кроткий народ.

К тем и другим я обращаюсь не извне, а как свой.

Да народ наш и разделялся на три ветви лишь под грозной бедо монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё - придуманная недавно фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым нерусским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, «откуда русская земля стала есть», по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство. Одни и те же князья правили нами: Ярослав Мудрый разделял между сыновьями Киев, Новгород и все протязание от Чернигова до Рязани, Муром и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и Киевский князь и Ростово-Суздальский; и такое же единство в служении митрополитов. Народ Киевской Руси и создал Московское государство. В Литве и Польше белорусы и малороссы сознавали себя русскими и боролись против ополчения и окатоличения. Возврат эту землю в Россию был всеми тогда осознанием как Воссоединение.

Да, больно и позорно вспомнить указы времен Александра II (1863, 1876) о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе, - но это не продержалось долго, и это было из тех умопомрачных ослеплений и в управительной, и в церковной политике, которые подготавливали падение российского государственного строя.

Однако и суетно-социалистическая Рада 1917 года составила соглашение политиков, а не была народно избранна. И когда, переступив от федерации, объявила выход Украины из России - она не спрашивала всенародного мнения.

Мне уж пришлось отвечать эмигрантским украинским националистам, которые втерживают Америке, что «коммунизм - это миф, весь мир хотят захватить не коммунисты, а русские» (и вот «русские» уже захватили Китай и Тибет, так и стоит уже 30 лет в законе американского сената). Коммунизм - это такой миф, который и русские, и украинцы испытывали на своей шее в застенках ЧК с 1918 года. Такой миф, что выгреб в Поволжье даже семенное зерно и отдал 29 русских губернаторов засухе и вымиранию голоду 1921 - 1922 года. И тот же самый миф предательски затолкал Украину в такой же беспощадный голод 1932 - 1933 гг. И вместе перенес от коммунистов общую кнуто-расстрельную коллективизацию - неужели мы этими кровными страданиями не соединены?

Александр Исаевич на «прямой линии» с читателями в Голубом зале.

СОЛЖЕНИЦЫН В «КОМСОМОЛКЕ»

Публикация, оставившая след в истории страны

В Австрии и в 1848 г. галичане еще называли свой национальный совет «Головна Русска Рада». Но затем в отторгнутой Галиции, при австрийской подтравке, были выращены искаженный украинский ненародный язык, наспитованный немецкими и польскими словами, и соблазн отучить карпатососов от русской речи, и соблазн полного всеукраинского сепаратизма, который у вождей нынешней эмиграции прорывается то лубочным невежеством, что Владимир Святой «был украинец», то уже невменяемым накалом: нехай живе коммунизм, абы сгубили москаля!

Еще бы нам не разделить боль за смертные муки Украины в советское время. Но откуда этот замах: по живому отрубить Украину (и ту, где сроду старой Украины не было, как «Дикое Поле» кочевников - Новороссия, или Крым, Донбасс и чуть не до Каспийского моря). И если

«самоопределение нации» - так нация и должна свою судьбу определять с а м а. Без всенародного голосования - этого не решить.

Сегодня отделять Украину - значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько - смешанного происхождения; сколько смешанных браков - да их никто «смешанными» до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими.

Братья! Не надо этого жестокого раздела! - это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован - вместе и выберемся.

И за два века - какое множество выдающихся имен на пересечении наших двух

культур. Как формулировал М. П. Драгоманов: «Неразделимо, но и не смесимо». С дружелюбием и радостью должен быть распахнут путь украинской и белорусской культуре не только на территории Украины и Белоруссии, но и Восточной России. Никакой насильственной русификации (но и никакой насильственной украинизации, как с конца 20-х годов), ничем не стесненное развитие параллельных культур, и школьные классы на обоих языках, по выбору родителей.

Конечно, если б украинский народ действительно пожелал отделиться - никто не посмеет удерживать его силой. Но - разнообразна эта обширность, и только местное население может решать судьбу своей местности, своей области, - а каждое новообразуемое при том национальное меньшинство в этой местности должно встретить такое же ненасилие к себе.

Всё сказанное полностью относится и к Белоруссии, кроме того, что там не расплали безоглядного сепаратизма.

И еще: поклониться Белоруссии и Украине мы должны за черномыслие бедовище, учиненное карьеристами и дураками советской системы, - и исправлять его, чем сможем.

*** Отрывок. Полностью опубликовано в «Комсомольской правде» 18 сентября 1990 года.**

Сам факт выбора Солженицыным издания для публикации этого публицистического эссе, написанного им в изгнании, говорит о роли «Комсомолки» в общественной жизни страны на переломе эпох.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Порадуемся! Меньше наши братья в зоопарках получили шанс улучшить свою жизнь. Василий Песков в рекордный срок открыл Фонд помощи зоопаркам, без традиционных проволочек, без утомительных согласований. Обратите внимание и на порядок создания фонда, в прошлые времена нелепый даже в дерзких фантазиях: инициатива автора - поддержка редколлегии газеты - согласие председателя правления Госбанка СССР.

Тысячи людей, поверив в перестройку, вносят свои предложения и идеи по обновлению общества. 15 тысяч идей и проектов, присланных на объявленный газетой Всесоюзный конкурс социальных инициатив, показывает: за читателем дело не станет. Настораживает, однако, по-прежнему большое количество писем, авторам которых приходится безуспешно, в одиночку сражаться с бюрократическими подходами. Поэтому решением редколлегии «Комсомольской правды» создано добровольное объединение читателей нашей газеты - Фонд социальных изобретений.

Мы долго обсуждали идею фонда, советовались по уставу. Наверное, не все в нем идеально, что ж - жизнь подскажет и поправит. Надо пробовать. Решаться.

Создаваемый Фонд социальных изобретений будет гарантом поддержки вашей созидательной инициативы - и материальной, и моральной. Если более чем 17-миллионный читатель «Комсомолки» поддержит ваш проект и решит финансировать его, вы имеете реальную возможность увидеть свою идею воплощенной.

Как правило, авторам смелых социальных проектов придется самим, засучив рукава, внедрять свой замысел в жизнь. С радостью сообщая: штатных работников, а также разбухшей структуры управления не будет. Создаваемый Фонд социальных изобретений я вижу как открытую сеть сотрудничества, создаваемую из всех ростков нового.

Г. АЛФЕРЕНКО,
ответственный секретарь
Фонда социальных изобретений
(«Комсомольская правда»,
22 июля 1987 г.).

P.S. Все началось гораздо раньше: в 1973 году, когда в Новосибирске появилось объединение «Терпсихора» - добровольное общество с банковским счетом. В то время создание подобной самостоятельной организации со статусом юридического лица, которая никому не подчиняется, было сродни полету на Луну. Но я просто купил книгу «Добровольные общества при социализме», в которой черным по белому было написано, что такое понятие существует в законодательстве от 1932 года. Также я нашел в инструкции Государственного банка строку о том, как открыть счет первичной общественной организации без выходящего звена. Значит, любой гражданин мог открыть его. Мы попробовали - и получились. Потом, с началом перестройки, я подумал: «А почему бы не создать такую общесоюзную организацию, которая будет поддерживать все виды стартапов, оказывать им организационную, финансовую, юридическую поддержку?» Совместно с СО РАН мы провели всесоюзную конференцию на эту тему, в «Комсомольской правде» появилась статья «Золотая жила», в которой мы предлагали читателям высылать деньги на реализацию понравившихся им идей. Эту статью внимательно изучила Раиса Горбачева, после чего мне позвонил Михаил Горбачев и пообещал свою поддержку. Так был создан Фонд молодежных инициатив, а через год и Фонд социальных изобретений СССР - уже как структура поддержки социальных инноваторов. Одним из первых стал проект «Дол» для помощи ветеранам Афганистана, в рамках которого читателями газеты было собрано 9,7 миллиона рублей. Благодаря ФСИ появилось агентство «Интерфакс», Ассоциация «Фонд авиационной безопасности полетов СССР». При содействии фонда 16 ноября 1992 года с космодрома Плесецк был осуществлен в Америку космический перелет ракеты с капсулой - во имя мирного использования технологий и торговых отношений между Россией и США.

Геннадий АЛФЕРЕНКО,
кавалер ордена Радонежского
Сергия Радонежского.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Никогда не забуду, какое оглушительное впечатление на меня произвели «Посильные соображения» Александра Исаевича, опубликованные в «Комсомольской правде». Так вышло, что уже много лет я обитаю в США в «солженицынских» местах, где наш писатель и мыслитель в изгнании жил и работал. И вот нынешней осенью здесь, в американском городе Линдонвилль (штат Вермонт), в преддверии 100-летнего юбилея Солженицына, который будет отмечаться в декабре, прошла международная конференция, посвященная творчеству нашего соотечественника. Докладчиками были исследователи из России, США и Китая - историки, политологи, литературоведы. Из обсуждаемых тем особо отмечу «прогностическую роль» Солженицына, его способность, заглядывая вперед, видеть крупным планом те проблемы, которые нас настигали и настигают. Об этом говорили многие участники конференции. Ну, а нам с вами в пору в очередной раз вспомнить старую мудрость: «Нет пророков в родном Отечестве».

Александр СТРОКАНОВ, организатор форума, профессор истории, директор Института русского языка, истории и культуры Северного Вермонтского университета (в 1980-е работал в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ).

Как наш корреспондент «махнулся не глядя» с будущим президентом Чехословакии.

Часы для Гавела

У входа в отель «Палас» швейцар с золотыми пуговицами, словно выписанный из XIX века - в белых перчатках, цилиндре и в тяжелой, как попола, крылатке, - открывает дверь перед японцами, невозмутимо принимает чаевые. Но японцы не очень-то спешат с холода в роскошный вестибюль отеля.

«Что случилось?» - «В Чехословакии - революция!» Вежливо улыбаясь, японцы тычут пальцами в плакат «Гавела - в президенты!», приклеенный на стеклянные двери respectable гостиницы. «Ох, уж эти студенты! И когда только успели? - деланно возмущается швейцар, пытаясь оторвать липкую ленту скотча. - Действительно революция. Но вы все равно проходите, товарищи!»

Одобрительно жестикуюлируя - шутка оценена по достоинству, - туристы из Страны восходящего солнца волокут свои саквояжи на колесиках. Швейцар, украдкой оглянувшись и подмигнув мне, поджидающему такси, возвращает плакат на место.

В Праге - революция? Скорость событий ошеломляет...

Еду в секретариат члена Президиума ЦК КПЧ Василия Мегориты - обещана аудиенция. Час, второй... «Сегодня, извините, встреча не состоится. Вам позвонят». Что происходит?

Президиум исключает из партии бывшего генсека Милоша Якеша и первого секретаря Пражского горкома Мирослава Штепана. Их имена связывают с событиями студенческой демонстрации 17 ноября, когда прозвучал приказ пустить в ход полицейские дубинки. Преступная политическая слепота людей, отдавших этот приказ!

50 лет назад в такой же день гестаповцы убили пражского студента-медика Яна Оплеталу. 50 лет спустя, в день памяти жертв фашизма, на пражскую мостовую пролилась новая кровь...

Исторические параллели неуместны? Но разве корень любого насилия - не в опьянении властью, перерастающей во вседозволенность?

Иду на место, где произошла трагедия. Толпится народ, горят свечи - их закигают у колонн, у стен зданий и в тех местах, где обнаружены следы крови. И цветы, живые цветы, на которые невозможно наступить ногам...

А. КУПРИЯНОВ
(«Комсомольская правда»,
29 декабря 1989 г.).

P.S. В моем архиве сохранилась маленькая книжка, подписанная автором: «Саше от Гавела». А еще - часы...

Заканчивалась Пражская осень 1989 года. На одной из пресс-конференций Вацлава спросили, почему он не дает интервью советской прессе. Гавел выразился в том смысле, что когда он вышел из тюрьмы, не очень-то спешили к нему корреспонденты. «А вот один пришел. Не помню его фамилию, его звали Саша. И после публикации, кажется, у него были неприятности. Вот ему я сейчас дал бы интервью». К тому времени мои неприятности заканчивались. Я сидел, назначенный собором в Англию, и ждал визу. Мне тут же передали слова Гавела, произнесенные публично. Владислав Фронин, главный редактор «Комсомолки», приказал собраться в командировку. Чехи визу не давали (за старые грехи - то самое ночное интервью с Гавелом в 1987-м), и Юферова заслала меня, кажется, через Венгрию.

Сейчас, задним числом, то, что было опубликовано в 87-м в «Собеседнике», никакой крамолы не кажется. Я писал в очерке, размышляя о судьбах эмигрантов, что Гавел в трудный час Родину не покинул. Вот и все. Но и этого было достаточно... На этот раз я передал записку лидеру Гражданского фору-

ма через Мирека Штетину, друга и сплавщика (мы вместе сплавились по Енисею). Помощники Гавела приказали мне ждать. Это будет первое интервью советской прессе.

Миг триумфа приближался. Особо расприрала гордость, потому что моя давняя знакомая, американская журналистка Алина, с которой мы где только не пересекались, включая Афганистан, та еще язва, публично в баре Дома советско-чехословацкой дружбы (он назывался, конечно, «Аврора») заявила: «Никогда тебе Гавел никакого интервью не даст!»

Поздно вечером в бар зашел с охраной Гавел. Что интересно, он в толпе журналистов узнал меня, подошел. Мы даже обнялись. Алина обомлела...

Про подаренные мною Гавелу часы - не легенда. Правда. Когда я уходил от него рано утром в 1987-м, я снял с руки часы, достаточно обыкновенные, и с пафосом сказал: «Вашек, сверяйся с московским временем!» Мы оба были уже в дозе, давно говорили на ты, а перестройка к тому времени уже сильно углубилась. Что не помешало мне расстаться с должностью в «Собеседнике». Третья встреча, которую Фронин готовил уже для «Российской газеты», не состоялась. Гавел не смог приехать, он уже тяжело болел. А часы в подарок от него, тоже вполне обыкновенные, мне передал его помощник.

Александр КУПРИЯНОВ,
главный редактор «Вечерней Москвы».

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ:
ПЕРВЫЙ ШАГ

ВЫБОРЫ ДИРЕКТОРА НА «РАФЕ»

Свыше 4000 претендентов на вакантную должность директора «РАФа» направили свои заявки в «Комсомольскую правду». Двадцать претендентов, отобранных для участия в заключительном этапе конкурса, собрались в гостинице «Елгава» на мозговой штурм.

Трое суток они коллективно решали, в какую сторону повернуть руль, чтобы вместе с трудовым коллективом вырвать «РАФ» из глубокой колеи инерции, одолеть крутой подъем к высотам мировых стандартов.

Это была трудная работа. Разделившись на три группы, кандидаты опирались на собственный жизненный опыт. Правда, предварительно требовалось найти идею. Идея забрезжила, когда - кажется, на рассвете - перед ведущими поиск раскрылось прельстительными гранями понятие НПО (научно-производственное объединение). Какие богатства сулит НПО? Конкурентоспособность. Ведущие роли на внешнем рынке. Валюта. Обновление производственных мощностей. Реализация социальных программ. Расширение делового сотрудничества...

Уже определилась первая пятерка кандидатов, сумевших одолеть хитроумные ловушки, расставленные специалистами Минавтопрома СССР, психологами и методологами. «РАФ» после введения в

прошлом году госприемки оказался в не-легком положении. Пришлось расстаться со «знаком качества», увеличились резко штрафы. Была потеряна вера в успех. Руководство не сумело выправить положение, повысить качество, вытянуть план. Ушел директор. Скопившиеся за годы проблемы накладывались одна на другую, толкали завод на путь латания дыр. В этой ситуации и было принято решение провести конкурс на замещение вакансии директора путем его выборов. Перестройка - это ломка прежних от-ношений. Перестройка болезненна, но несет в себе исцеление.

Вот что сказал, например, за час до объя-вления комиссией результатов первого тура Виктор Боссерт, директор завода из Омска:

- Конкурс дал мне новый опыт. Не заставляй надо коллектив, а пережить вместе с ним подъем, творить совместно, работать сообща на результат. Осознание этого удесятряет силы...

Конкурс продолжается. Начался заклю-чительный тур. Пожелаем лидерам удачи!

А. Афанасьев, А. Радов, С. Степенков.

Елгава, Латвийская ССР.

(7 февраля 1987 г.)

Как это было и чем закончилось

У этой истории была предыстория: в «Комсомолке» появилась скандальная публикация - молодой конструктор с «РАФа» призвал свой завод стать законодателем мод в мировом автомобилестроении. Его заклевали: о чем ты грезишь, от мирового уровня мы отстали навсегда... Тогдашний главный редактор «Комсомолки» Геннадий Николаевич Селезнев предложил мне сделать новую затравку дискуссии. А я в ответ: давайте соберем команду молодых ученых Академии наук и проверим, есть ли шанс у завода запрыгнуть в будущее?

Десять дней командой (в ней заметно выделялись Саша Шохин, нынешний глава РСПП, и Сергей Кугушев, теперь финансовый деятель) мы с пристрастием расспрашивали заводчан и вели горячие дискуссии. Пришли вот к чему: руководителю даются все полномочия, и он обеспечивает мощный рывок. Предложили объявить конкурс, на что в ЦК компартии Латвии замахали руками: как это можно - при живом-то директоре? Полгода не прошло, звонок из Риги: «Директор подал заявление об уходе - давайте ваш конкурс. Только с министром автопрома Пугным договоритесь...» Мы с Володей Сунгоркиным, тогдашним руководителем рабочего отдела, поехали к министру. Тот дал добро...

Пока мы вели подготовительную работу, на «РАФе» началась буза: «А зачем нам чужак - мы своего подберем!» Но тут чудесно сработали методологи. Их руководитель, знаменитый теперь игротехник Сергей Попов за три дня убедил заводчан двигаться к цели вместе, коллективно искать и рецепты оздоровления, и лидера. В финал вышли два ярких кандидата: 38-летний директор моторного завода авиапрома из Омска Виктор Боссерт и 36-летний зам. генерального директора производственного объединения из Пскова Сергей Горбунов. За первого дружно высказывалась администрация. Тут еще сказалось, что был Виктор поволжским немцем, и латышским руководителем показалось, что по менталитету он ближе будет к латышам. Позже, правда, выяснилось, что он скорее сибиряк, чем немец. Сергей же, подвижный и легкий, полемичный и артистичный, более всего нравился молодежи и женщинам завода. Договорились, что к голосованию допустят каждого десятого заводчанина - из 4-тысячного коллектива десяти-ну разместит зал Дома культуры. В результате Боссерт получил 387 голосов, а Горбунов - 57. Когда это объявили - грянули овации.

Наутро выяснилось, что министр авиапрома Силаев ни за что не отпускает Боссерта из своей отрасли. Пришлось «Комсомолке» выходить на Горбачева и просить его вмешательство. И Виктор-таки появился в Елгаве. Через год с небольшим «РАФ» стал зарабатывать валюты в полтора раза больше, чем вся Латвия вместе взятая. И это пока за старую модель, но за счет выпуска на ее базе спецавтомобилей (с оборудованием для «Скорой помощи»). Раньше сверхприбыль от них доставалась дяде. А теперь завод мог позволить себе посылать не только инженеров и руководителей, но и рабочих на стажировку в ФРГ. Виктор резко омолодил руководящие кадры, укрепил техническую политику, в первый же год построил два многоквартирных жилых дома, несколько детсадов. А уже через пару лет Боссерт подписал контракт с американским концерном «Крайслер» о создании совместного предприятия и о выпуске автомобилей мирового класса.

Казалось бы, рывок состоялся. Но увы... Тогдашнее руководство Латвии решило: ее будущее - в ипостаси аграрной республики, а машиностроительный завод, тем более русскоговорящий, ей ни к чему. И Виктора Боссерта бесцеремонно выжили с завода. Он не пропал. Перебрался в Москву, возглавил частный концерн. А потом уехал в Германию. Как говорил Мимино, «такие пилоты на дороге не валяются». По крайней мере там, у них.

Александр РАДОВ,
телепродюсер.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ
ФОТОГРАФИИ

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Девяностые годы. По всей стране разруха. «Девочки на сцене, дяди на трибуне обнажают тело и лицо», - пел бард девяностых Владимир Асмолов. Кашпировщина, «МММ», дикий рынок, криминал, чернуха, «600 секунд» властвуют умами.

И тогда «КП» взялась показать страну без надрыда, истерики, а где-то по-гоголевски, насколько оно получится. Так появился образ некоего народного писателя, «очарованного странника». А костюм себе я придумал сам. Как он вам? Такой наряд привлекал читателя и оберегал меня от гнева властей и бандитов, попавшихся на мое перо. Что предьявить убогому?

Свои путевые очерки писал исключительно с натуры. Где-то так: «Самый богатый в Иркутской Листвянке новый русский - чеченец Дунаев. Он же, по словам поселчан, здешний крестный отец. А хоромы у Дунаева! Подобный дворец только в соседней Крестовке у начальника милиции. Потому областные власти любят к Дунаеву на рюмку заехать...» Ну и дальше в том же духе.

Недавно выложил это фото я в соцсетях и удивился, как много людей откликнулись, вспоминая те мои зарисовки из девяностых.

Николай ВАРСЕГОВ, спецкор,
очарованный странник.

ФОТОФАКТЫ

Прыжок за железный занавес

Перестройка открыла двери в мир не только официальным делегациям, но всем гражданам страны, десятилетия жившей за железным занавесом. Появились первые «челноки», повезли заморские товары в обнищавший от тотального дефицита народ. Носильщики Казанского вокзала стали зарабатывать дикае деньги от вернувшихся из Китая: по три рубля с тележки. Плотный обед тогда стоил 30 копеек.

В 1988 г. знаменитый клоун «Асисяй» Вячеслав Полунин придумал международный Караван мира, собрав уличные театры со всей земли. Караван стартовал в Москве, потом переместился в Ленинград. Слава был счастливым сыном Ваней по всем площадкам и наблюдал за действием. А Ваня мирно уснул у него на плечах. Лет через пятнадцать на «Кинотавре» в Сочи я повторил этот кадр. Только теперь на плечах Вани сидел поседевший, но абсолютно счастливый папа...

Юрий ФЕКЛИСТОВ.
Фото автора.

АНКЕТА КОМСОМОЛЬСКОГО РАБОТНИКА

Ушли в прошлое КПСС, ВЛКСМ и вся большая страна - СССР. Что мы сделали так? И что - не так? Отвечает **Анатолий УСОВ**, первый секретарь Брестского обкома комсомола (1980 - 1982), руководитель секретариата председателя Госдумы РФ Г. Н. Селезнева (2000 - 2003), ныне председатель Центрального штаба общероссийской общественной организации «Россия»:

- Подумалось: «Если все не так, значит, жизнь прожита зря, впустую?» Да нет... Это при нас страна запускала ракеты в космос, были нормой взаимовыручка, коллективизм, сострадание, были межнациональные согласия и дружба. Это так.

У молодежи была своя организация, которая и решала проблемы воспитания, досуга, трудоустройства молодежи. Это тоже так!

Когда развалилась наша большая страна, я недолгое время работал в Комиссии ЦК КПСС по вопросам молодежной политики. Вместе с руководителем комиссии Юрием Ошлаковым и Алексеем Сидоренко готовили постановление ЦК «О работе с молодежью». Готовились соответствующие поручения правительства, министерствам. Увы! Не успели принять... Это - не так!

Работая уже в ЦК ВЛКСМ, поехал в родную комсомольскую организацию избираться делегатом на съезд. Свое выступление на областной конференции закончил словами: «Если бы пришлось повторить путь в комсомоле - все сделал бы так же. Ни от чего не отрекаюсь». Раздались аплодисменты. Я подумал, что меня сгонят с трибуны (тогда это стало модным). Но мою кандидатуру одобрили... Значит, все-таки не зря прошли годы в комсомоле...

ГРИМАСЫ ЭПОХИ

КАК ФЕРМЕРЫ У МАФИИ РЫНОК ОТОБРАЛИ

- Спецназ приехал! Цветочники и торговцы бананами кинулись к выходу. Отчаянно завопила сбитая с ног старушонка. Омоновцы загородили ворота, принялись проверять документы. Не предьявивших паспорт и гостевые приглашения продавцов не слушали и заталкивали в автобус.

Через пять минут после шмона к рынку уже снова подтягивались укрывшиеся в подворотнях коммерсанты. Торговые ряды быстро заливались образовавшимся прорехи.

...Мы сидим на деревянных скамейках в железной теплушке. Это и есть офис фермерского рынка. Директор Лобанов ругался по телефону. Замдиректора Маркин писал заявление. Им только что принес бумагу из префектуры - земельные калки на размещении впритык к их рынку десяти чужих палаток.

- Они что, слурели? - Директор нервно стирхивал в чашку пепел. - Проект утвердили еще в ноябре, какие новые палатки?

Он кандидат медицинских наук, на рынке больше года, но параллельно практикует в онкологическом центре. Вскоре, как устроился сюда на работу, к вагончику подкатили три иномарки. Вылезли одежде в кожу мордастые парни и спросили, кто тут за главного. Георгий машинально кивнул. И от неожиданного удара в челюсть тут же отлетел в противоположный угол... На сломанную челюсть наложили пластинку. Так он решил окончательно, что останется.

В сентябре прошлого года у них убили двоих охранников. Третий провалялся с ножевой раной несколько месяцев в больнице, но выжил.

Фермерский рынок мог открыться в Москве еще осенью девяносто первого. Именно тогда исполком Красногвардейского района выделил под него пульты у метро «Каширская». Но официально его открыли только сейчас - в апреле девяносто третьего.

Место это одно из наиболее бойких в

столице, поблизости располагаются семь больниц. Уступать его азербайджанские и чеченские группировки так просто не собирались. Чтобы выкурить со своей земли одну только шашлычную, фермерам потребовался год бесконечных разбирательств. Мешало то, что одной рукой власти издавали приказы об аннулировании «южных» палаток, другой - продлевали аренду. Даже после решения исполкома отдать рынок фермерам местный госкомзем продолжал выдавать разрешения на установку на его территории новых киосков. Были случаи, когда на одном квадратном метре значились по три хозяина. Как и в стране, на пульты царило многовластие. Был необрунный хлам, стычки за сферы влияния и ломовые цены.

- Главное, не показат, что ты их боишься. И нельзя ничем быть им обязанным. Один раз что-то взял, считай, что с ними повязан...

Прошлым летом они закупили в Молдове дешевые помидоры и начали продавать на своем рынке по семнадцать рублей за кило. К замдиректора Жене Маркину подкатили со спины двое смуглых парней и незаметно для покупателей приставили к лопатке ножи. Велели не душить и под-

нимать цены до шестидесяти, как у всех.

- Сейчас что творится на московских рынках? Цены на товар почти у всех одни - разница от силы в десять - двадцать рублей. Есть для этого «контролеры», специально ходят и наблюдают. Скинул ты свою сметану подешевле, завтра тебя на этот рынок не пустят. Еще и сметану твою отберут. Сегодня утром как раз знакомый директор рынка звонил, просил нашу охрану приехать, совсем торговать не дают. Предлагает объединиться, чтоб мы к нему в учредители пошли. На рынке должна быть конкуренция, один продает мясо за пятьсот рублей, другой - за полторы штуки. Себеистомость же у всех разная. Только тогда фермеры к нам поедут.

Рассказывая о своей рыночной эпопее, мой собеседник время от времени на полуслове вдруг замолкает, словно взвешивая, говорить ли дальше. Опасаются не рзкета. Боятся, что прихлопнут чиновники, скажи они чего не то. От парней, диктовавших на их рынок цены, они в прошлое лето отбились. А от представителей власти не сумели...

А. КРЕСТНИКОВ
(«Комсомольская правда»,
28 апреля 1993 г.)

О ЧЕМ ГОВОРЯТ В ОЧЕРЕДЯХ

Ругают и Горбачева, и Ельцина

Подмосковье
Идет активный обмен опытом по освоению натурального хозяйства. «По бартеру» меняют рецепты изготовления сыра на технологию домашнего майонеза. Правда, и для того, и для другого как минимум необходимо молоко, а как его самим изготовить в домашних условиях, народ пока не придумал. Тем временем интеллектуалы в очереди за картошкой обсуждают большой госсекрет: из 1,5 миллиарда долларов, которые дана нам в кредит Саудовская Аравия, 300 миллионов Госбанк решил потратить на закупку станков для производства новых денег.

Владивосток
Все боятся грядущей зимы. Стало известно, что запасы топлива на ГРЭС - только до февраля. В городе объявлен режим жесткой экономии. Отключена вся световая реклама, после шести вечера город погружается во тьму. Население города занято добыванием хлеба насущного. Он добывается с боем, все булочные в центре, видимо, из-за отсутствия товара, закрылись на ремонт... Зато в овощные неожиданно завезли картошку и дальневосточную редьку. А талоны на водку не отовариваются с июня.

(«Комсомольская правда», 29 октября 1991 г.)

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Вчера в 5 ч. 45 мин. утра советские летчики Валерий Чкалов, Георгий Байдук и Александр Беляков вылетели из Москвы в беспосадочный перелет на дальность 10—11 тысяч километров.

БЕСПОСАДОЧНЫЙ ДАЛЬНИЙ ПЕРЕЛЕТ

С радостью приветствуя Валерия Чкалова, Георгия Байдук и Александра Белякова, Комсомольская правда желает им благополучного завершения полета...

Самолет «АНТ-25» стартовал от Москвы.

С БОРТА «АНТ-25»

В 19 ч. 07 м. Мы вылетели в 19 ч. 07 м.

К ПОСЛЕДНИМ ПАРАЛЛЕЛЯМ

Материалы вступают в силу. Показатели вступают в силу. Показатели вступают в силу. Показатели вступают в силу.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Мы желаем вам счастливого пути! Мы желаем вам счастливого пути! Мы желаем вам счастливого пути! Мы желаем вам счастливого пути!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ!

Через несколько минут мы начнем свой перелет. Читатели «Комсомольской правды»...

Тов. А. Н. УТЮГОВ (справа) и участники проекта тт. БЕЛЫХОВ, ЧКАЛОВ и БАЙДУКОВ.

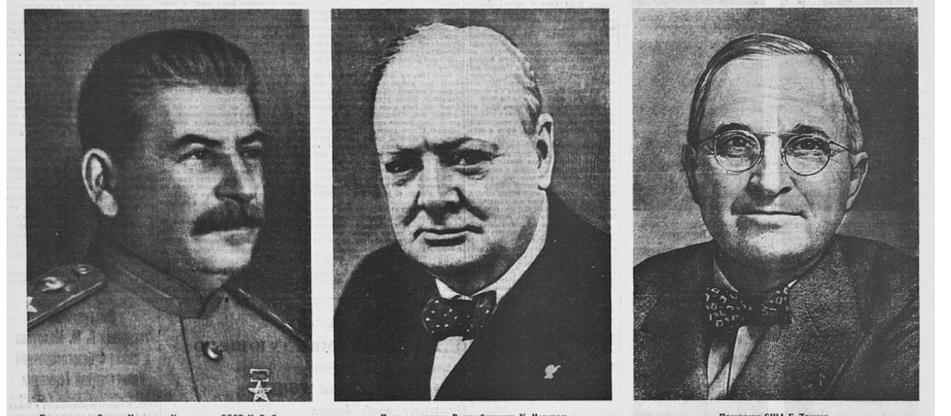
ПОДПИСАНИЕ КОНВЕНЦИИ О ПРОЛИБАХ

ВМФФУ, 20. Соединяет в 22 ч. 30 м. Соединяет в 22 ч. 30 м. Соединяет в 22 ч. 30 м. Соединяет в 22 ч. 30 м.

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ. МЫ ПОБЕДИЛИ!

Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

И. СТАЛИН.

Обращение тов. И. В. Сталина к народу

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день победы над Германией, Финляндией, Италией, Японией...

ПРИКАЗ Верховного Главнокомандующего

8 мая 1945 года, в Берлине представителями немецкого верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ! КАПИТАН ПЕРВОГО ЗВЕЗДОЛЕТА—НАШ, СОВЕТСКИЙ!

Великая победа разума и труда МИР РУКОПЛЕЩЕТ ЮРИЮ ГАГАРИНУ

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН.

ПРЫЖОК ВО ВСЕЛЕННУЮ

12 апреля 1961 г. в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» на борту которого находился советский космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

К Коммунистической партии и народам Советского Союза!

К народам и правительствам всех стран! Ко всему прогрессивному человечеству!

ОБРАЩЕНИЕ Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза

Свершилось великое событие. Впервые в истории человечества человек вылетел в космос.

Первый человек, проникший в космос, — советский человек, гражданин Советского Союза, коммунист Юрий Алексеевич Гагарин.

Государственный переворот по многочисленным просьбам трудящихся

Мы опоздали, но пришли!

«Мы не считаем, что опасность позади»

«Мы не считаем, что опасность позади»

Военно-проливная хроника

Военно-проливная хроника

«ОМОН нешел в атаку. Но не дошел»

«ОМОН нешел в атаку. Но не дошел»

«Мы не считаем, что опасность позади»

«Мы не считаем, что опасность позади»

«Мы не считаем, что опасность позади»

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ НАШЕЙ ЮНОСТИ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

- 1 1944. Спецкор Куликовская берет интервью у летчика Ермолаева.
- 2 1925. Машбюро редакции. До компьютеров еще 70 лет.
- 3 1927. Разметка гонорара проходила весьма демократично.
- 4 1937. Группа комсомольцев-метростроевцев читает листовки, выпущенные редакцией «Комсомолки».
- 5 1969. «Фронтovou землянку» ведет маршал Иван Конев. Слева от него первый секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Тяжелников, справа - главный редактор Борис Панкин.
- 6 1974. Журналисты «Комсомольской правды» Владимир Губарев (в центре) и Элла Щербаненко обсуждают с космонавтом Виталием Севастьяновым предстоящий «Урок Гагарина» в подшефной школе.

Про комсомол, «Комсомолку» и Ивана Варшавского

«Комсомол» и «Комсомолка» - слова, как легко догадаться, однокоренные, и комсомол мог бы гордиться тем, что на пике популярности тиражи «КП» зашкаливали под 22 миллиона экземпляров. Хотя к законному чувству гордости наверняка примешивались и тревоги: хлопот и неприятностей со своим печатным органом у ЦК ВЛКСМ всегда хватало.

По каким картам бороздила просторы страны главная комсомольская газета? Может, просто по недогадываемой Маросейки и Старой площади иногда заходила она в широты более высокие, чем все остальные ледоколы предрестройки и догласности? Что сейчас гадать... Отличие «КП» от конкурентов было в одном, но очень важном нюансе: в ДРУГОМ отборе явлений и героев, ДРУГОМ исполнении заметок. Рождающихся в жесткой творческой борьбе - ведь на небольшой площадке (всего-то четыре полосы формата А2) играла такая команда!

Сегодня закрываются десятки изданий, уходят в небытие легендарные названия, урезают свои штаты мажорданты отрасли, сокращают факультеты журналистики, а будущих газетчиков переименовывают в «коммуникаторов» и «организаторов контента»... Но настоящая журналистика еще вернется! Забредая в пустыню Фейсбука, утопая в болотах Инстаграма, задыхаясь в куче мусора Гугла... Верится: талант строить сюжет, складывать неадекватные и точные слова, а главное - сначала мыслить, потом писать, т. е. анализировать явления жизни, еще пригодится, еще будет востребован. И не важно, на целлюлозной или электронной основе это сделано - важно, чтобы сохранился нерв профессии.

У наших предшественников это хорошо получалось.

Владимир СУНГОРКИН,
главный редактор «Комсомольской правды» с 1997 года по н. в.

P.S. А на фото сверху - Иван Варшавский, легендарный бамовский бригадир, Герой Труда. Один из преданных друзей газеты и мой хороший знакомый, с которым свела меня жизнь на той знаменитой комсомольской стройке. Сейчас, оглядываясь назад, понимаешь: пожалуй, это и было самым важным в нашей жизни. Правда, Иван?

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ВЕСТОЧКА ИЗ «ТАЕЖНОГО ТУПИКА»

Журналист «Комсомольской правды» Василий Песков открыл миру семейство старообрядцев-таежников Лыковых в октябре 1982 года. Его документальная повесть «Таежный тупик» на тридцать лет стала бестселлером газеты. Кроме публикаций с новостями - печальными и радостными - о жизни отшельников, Песков организовал целую систему поддержки жильцов заброшенной заимки в Саянах. И сам регулярно навещал туда с подарками. Вот уже пять лет как Василия Михайловича нет с нами. Но единственная и последняя представительница семейства Агафья Лыкова не забыта. Этим летом у нее были телевизионщики Первого канала, готовящие фильм и передачу о Лыковых. Мы в редакции тоже следим за судьбой Агафьи, держим связь с сотрудниками Алтайского заповедника, откуда начался поход староверов по Абакану. Вместе с сотрудниками Воронежского заповедника, теперь имени Василия Пескова, готовим сборник «Песковские чтения» с перепечаткой повести «Таежный тупик». Там же, кстати, появится вскоре по инициативе «Комсомолки» и памятник легендарному журналисту.

А недавно от нашего красноярского корреспондента Надежды Ильченко пришла очередная весточка из «Таежного тупика»: Агафья готовится к зимовке.

Агафья Лыкова недавно осталась одна: монах-старовер с Урала, отец Гурий, который прожил на заимке долгое время и во всем был помощником, заболел (грыжа). Его срочно вывезли на Урал, где благополучно прооперировали. Но пока помощи в тяжелом труде

1982 год. Книга Василия Пескова про Агафью Лыкову стала почти библией трех поколений.

ждать 74-летней Агафье не от того, да еще и хищник подступил к самой заимке. Все ближе, ничего не боясь, подходит медведь...

Страшно отшельнице еще и за свое небольшое хозяйство - кур, козочек и собаку. При этом хозяйке обители (так свою заимку называет Агафья) надо заготавливать

дрова, ловить рыбу, делать припасы на зиму - в общем, работы непочтутый край.

Агафья передала на «большую землю» письмо с очередной оказией (иногда у нее бывают сотрудники «Роскосмоса» - осматривают район в поисках упавших ракетных ступеней, иногда сотрудники заповедника «Хакасский», на территории которого расположена заимка, а порой и добровольцы в гости приезжают). Написала, что невесту одну, надо бы помощницу из староверов.

- Я Агафью Карповну понимаю, ей, конечно, помощница необходима, - считает редактор газеты «Красноярский рабочий» Владимир Павловский, который много лет дружит с отшельницей. - Но важно понимать, что на безопасности жизни на заимке это никак не скажется - две женщины вряд ли медведя отпугнут. Так что мужская рука здесь нужнее. Мне, кстати, много лет уже приходят письма от желающих переселиться к Агафье. Честно скажу: я перестал на них отвечать. Потому что многие просто не осознают в полной мере всю сложность жизни на заимке.

Да и у хозяйки характер по-настоящему железный: как что не по ней - Агафья терпеть не будет. Несмотря на то что она кажется женщиной довольно простой, она свою обитель держит в кулаке. Впрочем, монах Гурий, говорят, уже поправился и, в общем, готов вернуться на заимку.

Людмила СЕМИНА
(октябрь 2018 г.)

Корреспондент «КП» на БАМ Владимир Сунгоркин и один из руководителей агитпоезда «Комсомольская правда» Вера Лукошина.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

РЕДКОЛЛЕГИЯ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»
при участии Клуба журналистов всех поколений «КП».

Отпечатано в ООО «Типография КомПресс-Москва».
Адрес: Нагорное шоссе, д. 2, Московская обл., г. Химки, 141407

Типографский заказ № 2477
Тираж: 6000 экз.